

ДОНБАСС — РАБОЧИЙ КРАЙ

[См. фотоочерк на страницах 10—15]

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

М. В. Фофанов я знаю или энергично и преданно больше, чем с кем-либо. Именно того же года, перед Октябрем, в самые опасные моменты она была при мне и себя на штырь».

Дом, в котором жили Ленин и Надежда Константиновна, стоит на Сердобинской улице в бывшем каменном доме петроградской дороги. Лишний раз мне пришлось отлучиться от друзей, когда Ленин и Надежда Константиновна уехали дождливо в Финляндию, а Надежда Константиновна погрозила ставнями Финляндии дорогу — и Надежда Константиновна почти вплотную подходит к двери. Фофанов рассказывает о встрече с Лениным, которую датирует 28 сентября.

На следующий день после приезда Владимир Ильич и Надежда Константиновна выйдут завтра к часу в десять утра. Надежда Константиновна, чуть заметно улыбаясь, сказала: «Ваша жена».

Владимир Ильич.

— Я сейчас немедленно устроюсь в...
— Обижаются. Помнить надо твердо, что я не Владимир Ильич, а Константин Петрович Иванов.

— Владимир Ильичу, — сообщает далее Фофанов, — непременно ходить по квартире. Он ни на минуту не мог упустить из виду, что для окружающих — как для нас — это было для окружающих — «долгое было невздором».

— Другим вариантом — сидел обычно тихо, хотя у него было привычка, разговаривая, бегать по квартире. Это было привычка товарищей, перенесших смену, поэтому была такая потребность.

— Другим вариантом — вспоминавший Фофанов приводит беседу с Лениным о конспиративных мероприятиях. Ленин спрашивает: «Вы знаете, Владимир Ильич, почему вы не остаетесь молчать?» Фофанов отвечает: «Мне хотелось бы «ориентироваться» на случай, если при мне случится какое-то происшествие». Ленин Фофанову указала на балкон. Владимир Ильич сказал:

— Присядь, теперь можно точно определить, как идет водосточная труба, близко ли от моей головы. Если нет, если придется по мне, то скажешь... Комната выбрана правильно, удачно... Если бы не было водосточной трубы, то можно «со всей возможной серьезностью» каждому товарищу «единственная моя просьба и вам» — сейчас Ленин по команде Фофанову и мне, — сейчас Ленин поставил на стол газеты, какие только выскочили на конспиративном уровне.

— Фофанов «растерянно и, конечно, наивно исподвинулся».

— Я думаю, я буду покупать и черносотенные издательства? Платить за обратительную газету «Новый день»?

— Обязательно, это очень важно...
— Газеты, — рассказывает Фофанов, — запомнил по порядку: «Искра», «Красная звезда», «Известия», «Ленин» на Украине, на столе. Денис Иванович вспоминает, что Ленин в это время вытирает пыль, он присел и присел к газетам. Это был его публицистический жест.

«Советы историков»

В 8 октября уже в Петрограде Ленин пишет статью «Советы историков» и «Письмо к товарищам большевикам», «участвующим в работе Комитета Советов Северной области». Они содержат план действий и программу Октябрьского вооруженного восстания. В первом документе Владимир Ильич, по конспиративным соображениям, не раскрывает свой адрес в Финляндию и в столицу. Он сообщает поэтому вам бы еще издался:

— Я пишу эти строки 8 октября и знаю, насколько, чтобы они уже 9 были в руках петербургских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо сейчас северные Советы назначены на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своим введением постановки вопроса и с кратким, но вероятным выступлением рабочих и солдат Петербурга в поддержку восстания.

— Ленин формулирует «засед за классиками марксизма» — пять «главных принципов» искусства вооруженного восстания: «уверенность в успехе революции относительно вооруженного восстания и уверенность в неизбежности революционной победы; тактика Даттона: смелость, смелость, смелость».

— Завезет Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и воюющих — такова задача, — формулирует Ленин в статье. «Успех и русский и всемирной революции зависит от успеха в Петербурге».

— Этот документ Владимир Ильич начинает так: «Ваша революция в Петербурге не превратится в союз с великим кризисом нарастающей мировой революции, который в настоящее время переживает всемирный империализм. На ответственных руководителях нашей партии и нашей революции стоит задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистского пролетарского движения, которое гаснет тогда, когда пролетариат перестает бороться».

— В этом случае Владимир Ильич развивает и отстаивает свой план на заседании Центрального Комитета партии, который обсуждает его доклад 16 октября. Из-за конспиративности Владимир Ильич

«Письмо к товарищам»

Предложенное Лениным решение о вооруженном восстании Центральный Комитет принимает 16 октября. Из-за конспиративности Владимир Ильич

не может сообщить в печати, что он присутствовал на заседании Центрального Комитета. Поэтому позицию Зиновьева и Каменева. В «Письме к товарищам» он сообщает лишь на состоявшемся накануне заседании Петроградского комитета, что он выступил против нацитагентов. О своей позиции он сообщает в письме.

— Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публиковать в печати и издавать судьбе несомненно в стороне от главного слова истории, рискует постоянно опоздать или оказаться в стороне от действительности, особенно в отношении, подписанием появляется в свет. Иные создавая впечатление, что они не хотят, чтобы их письма с этим письмом, даме под риском, что оно все же повиснет в печати, но не обиделись, потому что, считая своим долгом, хотят как всегда, по всей серьезности, несмышлены и способны на все, чтобы добиться своего. Мы должны изменить международному пролетариату, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для этого времени не было бы опаснее, нежели с Лениным, от которого числа, я обладаю.

— Не удалось только в понедельник, 16-го октября, — рассказывает Фофанов, — прийти на собрание в очень важном большинстве собрания в Петере — подробно рассказали о своих планах. Обсуждали то самый вопрос о восстании, который и обсуждали и в воскресные дни, а также и накануне в очень важном большинстве собрания в Петере — подробно рассказали о своих планах. Обсуждали то самый вопрос о восстании, который и обсуждали и в воскресные дни, а также и накануне в очень важном большинстве собрания в Петере — подробно рассказали о своих планах. Обсуждали то самый вопрос о восстании, который и обсуждали и в воскресные дни, а также и накануне в очень важном большинстве собрания в Петере — подробно рассказали о своих планах.

— Вечером 18 октября Ленин обнаруживает в «Новый Ильяш» заметку Каменева о «выступлении», которая выдает контрреволюцию секретов решения большевиков о восстании и повторяет возражения против решения, которые выданы, кроме того, трусости Фофанова, вспоминающего, что он встретил Ленин, прочитав в непартийной газете выступление Зиновьева. Каменевым.

— В тот же вечер он написал об этом «Письмо к членам партии большевиков». Здесь Владимир Ильич рассказывает о том, что он узнал от Владимира Петрова, заявляет:

— Я не имел еще возможности получить интересные сведения по телефону полных текстов выступления Зиновьева и Каменева. Но, к сожалению, я не успел «выяснить» у товарища «ваше мнение». Я бы не отказался верить этому. Но сомнения оказались невозможными, и вынужден был написать, что, к сожалению, не удалось выяснить мнение партии и четырех вечером или в субботу утром, товарищам, которые выданы, кроме того, трусости Фофанова, вспоминающего, что он встретил Ленин, прочитав в непартийной газете выступление Зиновьева. Каменевым.

«...пятья революционеров, не караящих видных штрейхбрехеров, погибла...»

Столь же гонимое ленинское письмо, направленное 18 октября Ленин в Петербург, гласит:

— Уважаясь себя партия не может терять штрейхбрехерства и штрейхбрехеров в своей среде. Это очевидно, потому что, если бы не было выступления Зиновьева и Каменева в непартийной печати, то партия была бы вынуждена была поступить предостережением к себе, своим членам, состав штрейхбрехерства. Увертюра Каменева просто не могла быть самой партия. Члены партии, которые не считали и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии.

— Ленин рассказывает о том, что он узнал от Владимира Петрова, заявляет:

«Познания полный состав штрейхбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, что, к сожалению, не удалось выяснить мнение партии и четырех вечером или в субботу утром, товарищам, которые выданы, кроме того, трусости Фофанова, вспоминающего, что он встретил Ленин, прочитав в непартийной газете выступление Зиновьева. Каменевым.»

— Ленин рассказывает о том, что он узнал от Владимира Петрова, заявляет:

«Познания полный состав штрейхбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, что, к сожалению, не удалось выяснить мнение партии и четырех вечером или в субботу утром, товарищам, которые выданы, кроме того, трусости Фофанова, вспоминающего, что он встретил Ленин, прочитав в непартийной газете выступление Зиновьева. Каменевым.»

исключены обоих штрейхбрехеров, сохраняя за собой право (ввиду их угрозы раслому) в себе опубликовать».

«Я эти строки вчером 24-го...»

Вечером 24 октября Владимир Ильич узнает от Фофанова, что разведены Николайский и Сахаров, что Ленин и Надежда Константиновна с центром Петрограда. Грендерский мост охраняется солдатами из военного «братства».

— Кто признал развал власти с такой целью? Чей это был план? Кто изобрел этот мост? Кто спрашивает Ленин?

— Фофанов, однако, может только рассказать о выданных Лениным словах, которые он слышал, что на трамвайных полотнох с треском выскочил Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру и в Смольный для руководства восстанием. В Выборгском комитете Фофанов вручает письмо Надежде Константиновне, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

— Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру. Владимир Ильич просит, еще медля ни минуты, отъезду в Выборгский комитет, в котором Ленин просит разрешить оставить конспиративную квартиру.

Как один человек,
поднялись советские люди
на защиту своей Родины.
Это был невиданный
массовый,
поистине всенародный
героизм.

Из Тезисов ЦК КПСС
«50 лет Великой Октябрь-
ской социалистической
революции».

ЗРЕЛОСТЬ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет прошло с того осеннего дня, когда в Краснодаре была создана подпольная организация «Молодая гвардия». Комсомольцы Краснодара, организованные партийным подпольем, вступили в жестокую борьбу с фашистскими захватчиками, временно оккупировавшими город.

«Пройдут горы, исчезнет с земли гитлеровская лопата, будут залечены раны, утихнет боль и скорбь, но подвиги советские люди не забудут о бессмертных подвигах организаторов, руководителей и членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», — писала «Правда» в сентябре 1943 года.

А. ЛОКТЕВ

Фото В. САККА

На земле встал бронзовый памятник.

Ленинградские мастера отделили фигурную композицию. В кишиневских реставрационных мастерских отполировали розовый кремнистый гранит для постамента. Луганские народоополченцы помогли установить памятник на площади в Краснодоне.

Жизнь этого памятника началась давно — четверть века назад. Когда на бронзовых героях, а живые юноши и девушки собрались в землянке на окраине Краснодона и произнесли клятву «Молодой гвардии».

Конечно, стояли они не так, как расположили их скульпторы. Были по-другому светлы и знамя, обозначающее сейчас центр композиции, было возвышеннее...

В бронзе молодогвардейцы стали старше. А ведь им было по шестнадцать, по восемнадцать лет...

«Дорогая Миничка!
Как жаль, что я не на вечере и мне

не удастся произнести монолог Чацкого...»

Это отрывок из письма Иине Миничевой от товарища по школе, по драмкружку. Написано оно в 1941 году, последней мирной зимой.

Еще было время бегать на танцы и бродить по улицам вневской морозной ночью. Искать костюмы к школьной постановке «Горе от ума» — прощайфаленный сулдук, дедушкины и бабушкины свадебные наряды.

О эти школьные спектакли! Столичный театр, прославленный исполнитель Чацкого не встанет рядом, не замкнет перебитого тобою в твоем школьном спектакле. Румяный Чацкий в замшиленном фраке — никакая пудрой не скрывает этот просветлый румянец в шестнадцать лет. Каждое слово — искривлена шея. Глаза кто-нибудь тут играет задуманное автором письмо! Играют самих себя, свою первую любовь, первое разочарование.

«Ты одна из тех, кого я уважаю очень, и потому мало тебе правого счастья,

Научно-технический прогресс, экономическая реформа, совершенствование социалистической демократии предъявляют высокие требования к характеру и содержанию человеческой деятельности во всех сферах жизни общества, к уровню сознательности, организованности и ответственности людей.

Из Тезисов ЦК КПСС «30 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Р. РАДЧЕНКО,
начальник комбината
«Печоршхестрот»

но выговором, необоснованное увольнение — и против молодого начальника уже настроен коллектив. С. видит это, чувствует себя несправедливо обиженным, нервничает и допускает все более грубые ошибки.

Естественно, что после бесплодных попыток помочь ему руководителю строительным управлением больше не захотело ходить и потребовало убрать С. в контору. И, пожалуй, в сложившейся ситуации перевод его в штат технического отдела, на работу, непосредственно не связанную с руководством людей, действительно был наиболее целесообразным.

Ну и что, спросит читатель, над чем здесь ломать голову, что ужасного произошло! Вполне возможно, что С. стал отличным инженером технического или какого-либо другого отдела и на этой работе найдет себя.

И все-таки лично меня настораживают те драматические ситуации в жизни молодых, только что пришедших из института инженеров, которые считаются почему-то неизбежными и закономерными. Настораживают конфликты, о которых некоторые из них почти вспоминают с улыбкой («Знаете, я тогда чуть-чуть не ушел»), а кое-кто предпочитает не вспоминать, потому что это чуть-чуть состоялось и было воспринято ими как поражение. Что им говори, и по-разному можно пережить в ту же контору. Одно дело, когда ты приходишь туда, имея опыт плодотворной работы с людьми, и советом другого, когда весь этот опыт — знание того, что ты несостоявшийся руководитель, инженер, нешедший подхода к своим подчиненным.

Именно с этим горьким знанием, с чувством собственной неполноценности пришел и С. в коллектив управления. И понадобились годы, чтобы он оправился от пережитого.

Поэтому имеет смысл присмотреться к этим «чутьничим» ситуациям.

Чуть-чуть не ушел потому, что не мог поладить с бригадой...

Это Валерий Васильев. Он молод — 26 лет, но уже главный инженер демонстрационного комбината. Его «чуть-чуть» позади, однако вспоминает он о нем без улыбки:

— Работа тогда была неденегная, а я только и мог, что плечами пожимать: «Расценки, ребята, от меня не зависят». В общем, неаппетитно, у которого не зарекомендовалась. Это было не только горюшко, ведь я из коми-ля, чтобы не обесценить их фронт работ, чтобы не было простоев из-за нехватки материалов. Отношение но мне вредно своей работе. Какое дьявола стараться, рассуждала бригада, если все равно заработка не выдать! Пожалуй, еще немного, и я бы стал на путь, который прокуроры называли «степью». К счастью, вовремя остановился. Решил поговорить с бригадой. По-человечьи, по душам. Объяснил ему, что, не сдавая эту «невыгодную» работу, нельзя подступиться к другой, лучше оплачиваемой. «А что же делать бригаде?» «Вы, конечно» — так

что же ты, дурень, молчал! Собрал бы народ да вьезь план и выложил бы Ага то задало одно надо да надо!

«Чуть-чуть» инженера Олега Б. имелю другого характер.

На его мастерский участок был послан автором. Немножущий мастер определил для него место работы.

Но опытный краповщик неотрез отказался работать:

— Слишком близко от высоковольтной линии мастер.

Олег бы не слишком уверен в своей работе, но разговор слышали другие рабочие, и отсутств, казалось ему, было нельзя.

Далее, что приказано?

Посуная мастеру, что тот еще оплунит по мозгам, краповщик отправился выполнять приказ.

До обеда кран работал, а после перерыва на участок пришел инженер по технике безопасности. Не виняя, кто прав, кто виноват, он запретил работать и вызвал обоих к начальнику. Они встали в приемной, и старый инженер неожиданно пожелал мастера.

— Отстань так или иначе мне, — сказал он, — так что лучше уж молчи...

И мастер промолчал. В ту минуту ему казалось, что главное — это не потерять свой инженерный престиж.

Однако, как известно, нет ничего тайного, что не стало бы явным. На участке поинтересовались, чем кончилась эта история, и через несколько дней довели до сведения мастера, что некресное его поведение стоило не вызвало сочувствия у рабочих. Легко представлять себе, что пережила тогда Б., если учесть, что по натуре это был беззащитно честный, даже принципиальный человек. Тогда же дело закончилось в том, что сама идея авторитета руководителя была воспринята неверно.

...Бремя руководителя

Как принято говорить в подобных случаях, число примеров можно было бы продолжить. Однако важны не примеры, а причины. Причины же неуныного и, более того, вредного для дела драматизма, которым так часто исполнены первые шаги молодого специалиста, на мой взгляд, в слабой подготовке к работе с людьми.

К сожалению, но новое это наблюдение и сегодня актуально, хотя мы и не желаем слов, убеждая друг друга в том, что в современных условиях каждый хозяйственик, руководитель должен быть воспитателем своего коллектива, что эти задачи в равной мере политические и производственные, ибо подготовка работников и человеческой личности вообще — процесс единый и неразделимый.

Я подчеркиваю, что в этих заметках речь идет о воспитательной функции именно адми-

нистринного руководителя. Бремя же не снимается с его плеч, как это часто и бывало его участю: уровень партийной и идеологической работы. Думаю, что это положение столь бесспорно, что не нуждается в разъяснении.

Важнейшим фактором воспитания, как известно, является сам организационно-управленческий процесс. Когда ежедневный труд рабочего организован так, что человек не нервничает из-за простоев, когда работа предвдывает определенные требования, но только его мускулатура, но и интеллект, когда ритм ровен и посилен, труд начинает действительно воспитывать, то есть формировать личность в нужном нам направлении. В этом плане всякий хороший инженер-организатор может считаться воспитателем. Он воспитывает организованность, культурой производства и получает свою законную прибыль — увлеченность работой, тот трудоспособный человек, о котором в свое время так заботился Мандельсон.

Но организационный труд, как одной из главных профессиональных задач инженера, не исчерпывается все предельные возможности к нему жизнью работника. Идеологическое и, в частности, психологическое воздействие на личность работающего — такая же инженерная задача, как и научная организация труда. И в структуре, ее составная часть. Потому что полнотное и нравственное состояние рабочих — это сила, способная, как писал Ленин, стимулировать «громадные повышения производительности труда».

Не случайно у великого починив, ценитору традиционную корреспонденцию о первом коммунистическом субботнике, Ленин особо подчеркнул, что «несмотря на то, что работа была слабо подготовлена и слабо организована, все же производительность труда была выше в два-три раза».

Думается, что это замечание Ленина, который с неукротимой энергией и страстью боролся за исключение из организации труда никогда не преувеличенной возможности одного энтузиазма, полезно вспомнить сегодня по той причине, что наша инженерная молодежь, преувеличивая значение чисто технической и организационной мысли, иногда теряет из виду в материальной заинтересованности ключ для решения всех проблем. «Не на одном голом энтузиазме работа, с которым мне приходится сталкиваться нередко, когда работа энтузиазма вообще», а в рубле видит самого надежного воспитателя.

И экономическую реформу, основанную на материальном стимулировании, кое-кто из них воспринимает как подвешивание правильности этого взгляда на весы.

Молодой инженер Кирилл К. — человек с яркими организаторскими способностями, со стехийным чувством того, как надо и как не надо, со своим взглядом на взаимоотношения кандидира производства с подчиненными.

— Надо, — говорит он, — подпереть плечом авторитет, когда он является на твоих глазах. Можно стать авторитетом и на чужой территории, потому что образование помогает лучше знать, с какой стороны ждать опасность. Но при всем при том — никаких облятий, никакого ланистизма. Лишь и лишь — лишь не уходить! — Для дела полезно, чтоб рабочий обзоровал руководителя целиком. Для этого необходимо расстояние.

Однажды речь зашла об организации совещания.

— Не знаю, что это такое, — заявил Кирилл. — Если люди трудятся плохо, значит, я скверно организовал работу или не заинтересован в материальном. Когда работают хорошо, — значит, в делах все как надо.

У Кирилла готов даже пример. На его участке отставала бригада, занятая на арматуре. Сказалось, — нехватка человека, недолжный оплотной — они работают лучше других, я получаю, как все. К предложил разбить на тройки и посулил каждому звену закрывать наряды ежедневно. Тогда будет видно, кто как работает. Когда ли, полагает. Мисья бригаде понравилась, но начался страшный шум: некоторых рабочих (бригада была женская) никто не хотел брать в свою тройку. Ему удалось убедить владеть вольно звена, и на следующий день бригада уже перевыполнила план.

— Так это же есть совращение, — не выдержал я. — Самое настоящее, неформальное

соревнование. Ведь, кроме заработка, здесь действует психология. Те, кого не хотели брать, и те, кто их в конце концов взял, ребята не только рады денег, они еще и что-то выжили друг от друга...

Но К. стоял на своем: просто правильно организован труд.

Откуда этот взгляд? Во-первых, многие из молодых просто не имеют представления о методике экономического влияния на работника. И подобно тому, как радость чтения может быть доступна только грамотному человеку, так и радость воспитательного творчества может почувствовать лишь тот человек, который умел, кому удалось это сделать.

Вторая причина лежит глубже. Она — реакция на самую нашу воспитательскую неумелость, на то, что нередко мы злоупотребляли фразой, что и сейчас все-то переоценивать ее силу и возможности.

Вместе с тем нашими инженерами, особенно средние и старших возрастов, накоплен огромный опыт соединения организационного влияния на работника с воспитательным влиянием на людей. Не могу не привести в этой связи еще один пример такого инженерно-психологического воздействия.

На протяжении длительного времени управления «Сантехмонтаж» нашего комбината считалось одним из самых трудных из-за большого количества пыли и грязючки, пригривших почти в каждой бригаде. Добросовестные рабочие знали, «брызгали» их на собрании, но мало делали медленно. За широкой спиной рабочей бригады «сачками» лопой не так уж плохо, а бригаде рано или поздно надоело шуметь.

Однако лентяй и прогульщик заместим бригадиром ложился на выработку, и мастера и прорабы требовали принятия решительных мер, или, попросту говоря, увольнения лхих работников.

Тогда начальники управления предложили создать из отставших отдельную бригаду. Расчет строился на том, чтобы надобросовестные работники оказались в центре внимания всего коллектива. С другой стороны, делась ставка на то, что лентяй и прогульщик, выходя доказать, что они не хуже других.

С членами будущей бригады было проведено собрание. Лентяйкам было сказано, что они лентяй и что им представляется единственная возможность заставить себя честнее ина. Бригады помогли, но вместе с тем не спускали глаз. Чаще обычного стали выходить «моления» и «бювальные листки». Стрелники, как известно, народ, который за выработку карман не берет; здесь же для юристов было настоящее раздолье. На первых порах над бригадой потешались свирепо. И она доказала, что может работать не хуже других.

Сегодня «Сантехмонтаж» — одно из самых работающих и дисциплинированных управлений, где о прогульщиках говорят в чисто мемерном плане: «Это было до той бригады».

Мы в комбинате стремимся передать подобный находку заводскому управлению и методике «вечернего университета» для инженеров включены лекции и беседы опытных руководителей, умеющих работать с людьми.

Но работа этого университета все больше уходит нас. Это не так, как раньше, когда вся часть системы, цель которой — серьезная педагогическая подготовка командиров производства.

Да, речь должна идти именно о системе, включающей в себя институтские курсы, подготовку ныне работающих инженеров, широко поставленный печатный обмен инженерно-педагогическим опытом.

(Не могу найти другого слова. Педагогика — наука о воспитании, ассоциируемая со школой, с детьми, а здесь речь идет о рабочем. Однако само отсутствие соответствующего понятия, обозначающего научную систему форм и методов, при помощи которых осуществляется педагогическое воспитательное воздействие на взрослого человека, должно намосторить. Оно отражает состояние дел. Поэтому за именем другого слова — здесь и дальше «педагогика».)

С сожалением здесь мы очень медленно продвигаемся вперед. Более того, в какой-то мере терем позиции, занимаемые ривне. Так, в 30-е годы массовыми тиражами издавались книги и брошюры типа «Мой опыт работы

прораба», «Мой опыт работы бригадира» и т. п.

Представляется, что удовлетворение спроса на подобную литературу ставит перед нами очередную задачу — издать серию книг о работе молодых издательств. С такой радостью и с такой пользой для себя молодого инженера, техника, мастера купит бы хорошую книгу своего коллег, повествующую о пути профессионала.

Я, например, вижу автора одной из них: своего учителя — профессора, доктора технических наук Николая Михайловича Погорского, который, будучи крупнейшим специалистом по построению, любил умел рассказать о том, как, приходя на новое место, инженер открывает счет в банке и при этом удерживается подругаться с управляющим, кому он в первую очередь намерен издать... как с минимальными ошибками принимать людей на работу.

Умные, исполненные юмора и тонких жизненных наблюдений, беседы эти в будущем немало пригодятся и инженерам. Сегодня много издательств, особенно местные, выпускают немало книг и брошюр, посвященных передовому опыту. Но это, во-первых, чисто технический опыт, а во-вторых, про героев этих книг как правило не пишут. А ведь это — профессии, в котором почему-то не находится места для профессии инженера.

Инженеру — Макаренко

И все-таки в том педагогическом всеобщем, потребность которого созрела до очевидности, первое место должно принадлежать науке, техникуму, всем учебным заведениям, готовящим командиров производства.

Говоря об инженерной педагогике, мы имеем в виду, что человек, занятый в современном производстве, требует своего особого подхода. Что его духовный мир в основном формируется в процессе труда. Тем требованиям, которые этот труд предъявляет ему как личности. Однако этот свой, особый производственный подход все-таки будет основываться на том, что уже сказано в предыдущей главе — издам мало. Вспомним хотя бы Макаренко, чья, между прочим, приемы, методы и теоретические выводы отточен на коллектив, который можно с равным правом назвать как рабочим, трудовым коллективом. И напомним, что в этом коллективе в своих главных элементах — это педагогика не только для юношества, но и для взрослых, потому что и к тем и в другом рае мы применим макаренковский принцип максимального уважения к личности и максимального уважения к ней.

Лишь в стилизиранных находках наиболее опытных моих товарищей и в том, что время от времени удается сделать самому, почти всегда нахожу подтверждение идей выдающегося педагога. Успеха — почти всегда в макаренковском отношении к коллективу как организму чрезвычайно тонкой организации и дисциплины, которую можно программировать, лишь исходя из самых высоких политических и нравственных принципов.

Когда, например, в нашем городском комитете партии впервые заговорили о строительстве завода пилеров, о строительстве сверхпланово и очень трудном, кто-то из наших товарищей вспомнил заавление Куряжа, риск, на который полна колония имени Горького во имя того, чтобы не останавливаться.

Начиная не выжидать, что это строительство, и мы могли бы не рисковать. (А рисковать, честно говоря, было чье: коллектив в числе передовых предприятий страны отмечен знаменем и премиями.) Но мы считали, что если будет полезна именно трудная задача. Партияна, комсомольская организации в управлении провели собрания на тему: брать или не брать? Рабочие одобрили идею. Мысль о таком большом, таком интересном подвиге.

Отврат в полном смысле этого слова заглянул сердца людей. И энтузиазм реализован в десятках тысяч предложений, в готовности работать с полной отдачей сил. Достойно сказать, что нулевой строительств дворян был завершён в четыре раза быстрее, чем этого требовал обычный график работы.

Сейчас, когда у нас уже нет сомнения в том, что дворец будет сооружен в течение года,

мы все по-человечески радуемся новому «Куряжу», потому что он еще раз убедил нас, насколько важно и насколько правильное психологическое и педагогическое отношение к коллективу.

Макаренко оставил для будущих преподавателей инженерной педагогики не только принцип, но и методику обучения. Стоит вспомнить, как он наставлял на овладение педагогом техникой своего дела, вспомнить его знания с воспитательской молодостью, где он не только обучал, но и умел, но и умел, но и умел выговор, разговаривая с провинциальными. Эта «техника» позарез нужна молодому мастеру, бригадир, прорабу.

Я не претендую на то, чтобы дать хоть некую новую методику, но могу сказать, что инженерно, но не представляется, что умный наставник, практик и теоретик, построит такие свои занятия по принципу предания типичных психологических ситуаций, будь то разговор за плохое качество или закладка первого камня. Честно говоря, и сейчас, после 20 лет работы на строительных площадках, я бы с удовольствием посидел на практикеских занятиях, посвященных инженерии, но только принцип, но не методика обучения. Тут же, в своей основной частью такой профессиональной подготовки должно стать не рядом с учебными занятиями правильно организованное студенческое самоуправление, активная комсомольская жизнь в вузах.

О сегодняшнем же уроке в какой-то мере свидетельствует тот же инженер С., о котором я рассказывал вначале. А он в течение четырех лет был комсоргом группы.

Вот что мне было известно: был четыре года руководителем коллектива, вождем, как пишут у нас комсомольские газеты, и не найти верного тона с людьми? Я спросил у С., как он работал комсоргом? Он пожал плечами. Как бы там ни было, комсорг собрал. А если кто-нибудь сделать, попросит одного-другого, а кому-нибудь совет заговорит — и делает. — Ну, а ураться, спорт, принуждать в конце концов не было повода.

Вероятно, задача заключается в том, чтобы сама организация внутривузовской жизни была для студентов первоначальной школой администрирования и руководства, чтобы через эту школу прошел каждый инженер.

Нередко от выпускников института можно услышать жалобы и на то, что преподаватели не знают их как людей, что для института велика посылка выпускников в вузы, но их назначение его значительной, и поэтому назначение на работу, как правило, делается без учета личности выпускника. В этих жалобах немало справедливого. Но представляется, что те педагоги и психологи, которые (хочется верить) в ближайшее время появятся в технических вузах, немного добьются в программировании дальнейшей судьбы своих студентов, в подготовке их к воспитательной работе, если не смогут тактично помочь молодым наладить свое самоуправление, если не научат ставить перед тим самоуправлением задачи, помогающие его росту.

Сегодня наше отношение к выпускникам вузов, научу на основании этого опыта, во многом можно определить как спартанское: пусть успеет и пробьется сильнейшим. Это отношение не только не юзайское, но и не соответствует нашей морали.

На следует забывать также и о том, что неподготовленный командир производства — это не только экономическое, но и нравственное потери, потому что именно в сфере труда мы имеем наибольшую возможность влиять на развитие личности коммунистического духа. И заключение. Вопросы, поднятые в эти заметках, на мой взгляд, лишь часть большой проблемы, смысл которой в психологической подготовке к труду вообще. А по отношению к инженерной педагогике производства к подчиненным, но это лишь грань тех взаимоотношений, которые складываются в процессе производства. Взаимо... И с этой точки зрения, равнодушие и невнимание к психологической подготовке будущих работников к тому, чтобы правильно строить свои отношения с руководителями.

Но это уже не только новая грань, но и новая тема, появление которой на страницах молодежного журнала представлялось бы мне весьма своевременным.

1917-1967

— Александр Ковалев
— Александр в шахте

— Михаил Булгаков
— М. Булгаков на работе

В начале этого века во Франции появилась открытка с изображением угольщиков (список № 1). Игитес за границы и Донбассу был не случайным: большинство его шахт принадлежало французским и бельгийским капиталистам. Снегом говорили о чудовищных условиях труда в забоях.

Советская власть отдала Донбассу роль крупнейшей топливной базы страны. Но шахты нуждались в полной реконструкции. В забоях еще стояли древние орудия угольщиков — обуханы и кайла, добытую породу в многолюдных волонских рабочих на себе таскали по туннелям и узким штремам.

Советский Донбасс строила вся страна. В старые шахты проводилось электрочество, улучшалась вентиляция забоев, появились пневматические отбойные и врубовые машины. Был механизирован один из самых трудоемких процессов — откатка угля. А рядом со старыми шахтами появились новые.

Запасены с углем были трудовым рапортом советских шахтеров. На фотографии, сделанной в 1929 году (№ 2), товарный вагон, превращенный рабочими в вагон-пункт, перевозит уголь в подорожную. Шахтеры отчитывались темпами добычи угля, ростом производительности труда.

Пути для работы на шахтах выдалась непростая. Новые кадры рабочих привнес в Донбасс и новые ударные темпы труда. Из наливной шахты «Центральная-Иренин» родились почин, которому суждено было охватить всю страну. Забойщик Алексей Стаханов (на сплеме № 3 второй слева) за одну смену выполнил 14 норм, добыл 102 тонны угля. Следуя его примеру, посподу в стране молодые рабочие старались трудиться по-стахановски.

Во время Великой Отечественной войны шахты Донбасса были почти полностью разрушены. Фашисты взрывали электростанции, жгли города и поселки, затопляли шахты.

В 1943 году, когда Донбасс был еще оккупирован фашистами, — вспоминает главный конструктор горного комбайна «Донбасс», лауреат Государственной премии А. Сумач, — меня вызвали с Урала в Москву, в Наркомат угольной промышленности. Заместить народно-хозяйственного комиссара Е. Г. Грофимича Абанумов поставил передо мной задачу дальнего прицела (он так выразился) — предложил работать над созданием совершенно новой машины, механизировавшей важнейшие процессы выемки угля.

...Наш комбайн проходил испытания на шахте № 3-бис в Чистякове.

Заседание коллегии министерства, на котором решалась судьба горного комбайна, было несколько необычным. Оно состоялось в Горловке, на машиностроительном заводе имени Фирова. Руководители угольной промышленности наметили план серийного выпуска комбайнов. Вместо старого названия ГУК-1 (горный угольный комбайн) машина была переименована гордыми и во многому обязывающими именем «Донбасс».

После того, как Красная Армия освободила Донбасс, сразу же приступили к его восстановлению. 620 миллионов кубических метров воды пришлось откачать из забоев и штолен (список № 4). В 1945 году в забое шахты «Славя» (список № 5) подняли лет Донбасс был поднят из руин, и советские люди возродили славу бесхозной нечегари.

Фото из фондов музея революции СССР.

Могуча посылка Дюббесса. На индустриальных гигантах Макиевки, на железнодорожной «Азовстали» — всюду рабочий класс прославленного края встречает 50-летие Советской власти ударным трудом.

В. МОЕВ

Фото В. САККА

ОДНО ДНЕ ПРЕЖДЕ

Посетители советского павильона на Всемирной выставке в Мюнхене иредко останавливаются перед экспонатом, похожим на цилиндр. Цилиндр напоминает огромный мейр — как будто циклопический бур вырывает его из далейки от Мюнхена иред.

Геологическая лаборатория Разве что внешне.

Внутри «ирира», за оборонными окопками, открывается истинное выполненная панорама Донбасса. Примерно таким видится его с самолета, подлетая в иский день, когда украинское солнце обливает своим лучами кварталы и площади, пирамиды терриконов, соседствующие с парками, разные слуды заводов и новые архитектурные ансамбли.

Солнечная земля Украины известна щедростью; разнообразны богатства ее недр. Великий трудовой вклад республике достигнута нашей страны. Но, думается, справедливо, что именно Донбассу и Донбассу на мировой выставке посвящена особая экспозиция.

Есть глубокий смысл в том, что люди из разных стран могут вполне позаниматься со столицей Донбасса, насчитывающей уже около миллиона жителей. Ведь это город, воскресший как бы из мертвых. Больше полувека назад он — тогда еще поселок по имени Юзовка — был безоговорочно приговорен и гибели.

Об этом напоминает любопытный исторический документ — письмо «Новороссийского общества каменноугольного, железнного и рудного производства» и инженерно-классовому губернатору. Вот что в нем говорилось: «Не имея индиканго самостоятельного значения, поселок Юзовка не имеет и не может иметь самостоятельной жизнеспособности и является фабричным поселком, существующим, пока функционирует завод и шахты «Новороссийского общества». Необходимо иметь в виду, что в районе Юзовки, за исключением шахт общества, не имеется горнопромышленных предприятий, которые в силу своего вычисленных запасов угля могли бы продолжить свою работу более 25 лет, и лишь «Новороссийское общество» может считать обеспеченным свое существование в данном месте в течение 50 лет, а затем вынужденный существованию и существующий за счет предприятий поселок неминуемо обречен на залушение».

Итак, в лучшем случае 50 лет. Иными словами, как раз там, ныне живущим, надлежало стать свидетелями домицкого упадка.

Естественно, современнику это предсказание поначитие не более чем историческим курьезом. Но сохраняем серьезно. Документ есть документ, и в свое время он про-

гнозировал будущее без тени шутки.

У промышленных очагов и центров, лежащих на карте нашей обширной страны, разные судьбы. Димензганскую медную руду и доверлоционную пору едва успели излучить. О колесных аплатках мы узнали в двадцатых годах. Западносибирская нефть открыта, бурально на наших глазах. Что же касается Донбасса, то он ушел и в царское время являлся одним из крупнейших индустриальных районов. О нем не слышали, что мы начали здесь, с пустого места, с полотниных палаток на сквозном ветру. И все же история социалистического Донбасса по-своему выразительна.

Сопровищи этой земли поразили еще Д. И. Менделеев, который записывал в дневнике: «Б поезда по доинскому краю я был поражен неисчерпаемостью его богатств, которые превосходят все виденное ранее...» Заметим: НЕИЩЕРПАЕМОСТЬ. ИИ. — ведь ли первоучено представляло это словечко даром. А между тем богатства края подвергались такому мадеру личничатка и промышленно со стороны своих и пришедших раздроприопинимателей, что призрак скорого залушения замачич по лоске вещей.

Собылся ли бы ирочное предсказание при сохранении прежних порядков? Вполне вероятно. В капиталистическом хозяйствовании немало примеров, когда последние личничатка и промышленных «лихорадок» приподнятые иллародичаща обращались в иусорные сваны. Однако Донбасс избег такой участи. Потому что «отпущенные» ему принадлежат лет стали пятюдесятью годами нового, советского строя.

Исторически Донецкий промышленный район сыграл роль одного из мощных рычагов становления всей советской экономики. Неудрм в 1929 году, накануне первой пятилетки, Центральный Комитет партии отметил, что «успешность работы Донбасса является залогом разрешения основных задач индустриализации». Его скоро стали признать именоват «всеозонной ночью».

В наше время после развития Донбасса в бассейнах Сибири, Казахстана и других районах страны Донбасс достиг значительную часть общей добычи угля. Границы его, Донбасса расширяются. Если старый Донбасс уещался в пределах Донецкой, Луганской и части Ростовской областей, то иинший Донбасс, гораздо обширнее. Донецкие угли обнаружены в Донецкой, Харьковской, Луганской, Сумской, Черниговской и других близлежащих областях, их общие геологические запасы перевалили за 240 миллиардов тонн.

Бушует пламя мартена, Макиевские сталевары из бригады Николая Коллежко — мировые рекордсмены. К юбилею Великого Октября они обязались выплавить 560 тысяч тонн стали. Макиевцы вызвали на соревнования уральских металлургов из Нижнего Тагила.

Многие предприятия всеобщего значения, ударные новосоволевские стройки разных областей, представляющих современный Донбасс, заслуживают особого разговора. А здесь мы хотели бы подчеркнуть одну общую закономерность социалистического развития края.

Сказать о нем просто всеобщего значения, ударные новосоволевские стройки разных областей, представляющих современный Донбасс, заслуживают особого разговора. А здесь мы хотели бы подчеркнуть одну общую закономерность социалистического развития края. Сказать о нем просто всеобщего значения, ударные новосоволевские стройки разных областей, представляющих современный Донбасс, заслуживают особого разговора. А здесь мы хотели бы подчеркнуть одну общую закономерность социалистического развития края.

Область ежедневно отправляет во все уголки страны больше ста миллионов самой разнообразной продукции. Промат и шагающие экскаваторы, шахтные оборудование, шахтные электровозы и автоматические линии станков.

Очередной шаг вперед Донецкая область делает в нынешней пятилетке. Причем выразительная логика этого дальнейшего развития. Предпочтение в нем отдается сравнительно молодым отраслям. Если, например, выплавка чугуна вырастет на 40 процентов, то объем продукции машиностроения — в полтора раза, а продукция химии — даже в два раза. «Чеднай», «тяжелый» Донбасс все шире развертывает у себя и легкую промышленность. Там, в пятилетке пре-

дусматривается сооружение Донецкого хлопчатобумажного комбината на 240 тысяч веретен, Дружновского фарфорового.

Комплексность, гармоничность — этими словами можно обозначить характер развития края. Эти качества прежде всего и стимулируют экономнику, гарантируют любому району бестревожное будущее. Ни в какой дальней перспективе «запустение» уже немислимо, поскольку хозяйство края развито многогранно, поскольку успели промышленности, подвержены и тому же развитию сельского хозяйства (Донецкая область в этом году произведет полтора миллиарда тонн зерна, более полумиллиона тонн молока, сто с лишним тысяч тонн мяса).

Многоотраслевой строй эконоинии — дело, назалось бы, сугубо специальное — имеет прямое касательство и человеческим судьбам и и судьбам молодежи особенно. Сегодня молодому человеку в Донбассе открывается многого путей. Он может, например, последовать семейной традиции и надеть шахтерскую робу. Может стать и металлургом, и химиком, и ткачом, и агрономом, и ученым — все это здесь же, на родной земле. Университет, десятки высших и средних учебных заведений открывают перед ним тайны любого мастерства и любых знаний.

Таков человеческий смысл пятидесятилетнего развития эконоинии края просветским. Однако огромные успехи в хозяйственном строительстве — это еще далеко не

все, о чем с гордостью может рапортовать пятидесятилетнему Октябрь современней Донбасс. В рабочем крае прошли большую школу трудовую и гражданскую замечательные люди многих поколений. Вспомним имена Никиты Изотова, Алексея Стаханова, Петра Кривоноса, Пашу Ангелиной, Манара Мазал. Все они были из Донбасса. Вспомним связанных с ним страницы комсомольской летописи.

1929 год: по призыву ЦК ВЛКСМ работать на шахты Донбасса отправляется 36 тысяч комсомольцев.

1943 год: новый отряд юношей и девушек — двадцать тысяч человек со всех концов страны — влился за восстановление предприятий Донбасса.

1956 год: «Молодежь — на

строительство шахт Донбасса!»

В ответ на этот призыв ЦК ВЛКСМ откликаются тысячи комсомольцев Украины. В короткий срок, работая скоростным методом, они дают начало 37 новым шахтам.

Все это тоже было в Донбассе.

Полонение за поколением рождал Донбасс подлинных патриотов, строителей коммунизма. Недаром Борис Горбатов, писатель, сам поставленный на ноги рабочими Донбассом, говорил: «Я люблю наш родной донецкий край, нашу холмистую степь, запах угля и дыма над шахтами и заводами. А больше всего люблю людей Донбасса... золотой наш народ!»

«Золотой наш народ... Тут и только тут разгада-

Неважно горняцкий труд. Но есть у шахтеров ли с чем не сравнимые часы торжества, когда на-горь выдаются сверхъяловые вагонетки с углем... На шахте «Коммунист-Новоша» — день повышения добычи. Первое место завоевал участок Бориса Хлебова.

Воскресное утро — игра за городом.

Лекция в одном из крупнейших вузов
Донецка — Политехническом институте.

В классе, где студенты сидят за партами, все внимание сосредоточено на лекторе. Многие из них держат в руках листы бумаги, на которых, вероятно, записаны вопросы или ответы. Атмосфера напряженная, но сосредоточенная.

Готовится вечер «КВН»: на Лебедевском
коксодобывающем комбинате немало ве-
селых и находчивых.

Ангельм «Зарево» Донецкого металлургического завода стал лучшим на областном смотре художественной самодеятельности.

Шахтерская свадьба. Сергей и Елена Ринне во Дворце бракосочетаний.

Нет лучшего отдыха для горняка, чем рыбалка!

Нераст «Шахтеры»!

того выдающегося фаната, что в Донбассе рождался десяток важнейших трудовых назначений, что именно отсюда раз за разом поднимались и ширились, обходя страну, новые волны социалистического соревнования. Вот и теперь Донбасс выступил инициатором соревнования за создание юбилейного фонда, за перевыполнение на один процент планов по выпуску продукции, снижению ее себестоимости, повышение производительности труда. Почин родился в Донецкой области. А спустя несколько месяцев — еще одно начинание Донбасса. Шахтеры, химиканты, строители, автотранспортники и колхозники Луганской области встали на стодневную предоктябрьскую вахту, решив значительно увеличить выпуск высококачественной продукции.

И на этот раз, как всегда, донецкая комсомолка заняла место в первых рядах соревнования. Многочисленные подтверждения этому приносит вестись со всесоюзных комсомольских ударных строков со Ждановского и Енакиевского металлургических заводов, республиканской молодежной стройки шахты «Красноармейская-Капальская», с десятком других новостроек, над которыми шахтостроительная организация. Впрочем, доблесть не выбирает только исключительные адреса, она всюду. И наш разговор, в котором затрагивались общие судьбы Донбасса, может быть, удачно завершит обращение к старейшему донецкому преддлинителю — горловской шахте «Конецгарна». Она увидела все: пороховую пробу, дымный ирра, угрозу «запустения» и принял новых смей. Здесь работал застрельщик социалистического соревнования забойщик Никита Изотов, а сейчас рубит уголь сотни его молодых соратников. В середине года горняки уже выполнили свои юбилейные обязательства, дав сверх плана 23 тысячи тонн угля.

— Донбасс — счастливый ирра, которым гордятся люди, его хозяева. Стремясь к славе, они выросли сами, обрета и высшего мастерство и высокую рабочую честь.

СТИХИ

Владимир ДЕМИДОВ

Легенда о сталеваре

Смотрю в мартеновскую печь,
В огонь,
Крылами бьющий в своды,
И слышу пламенную речь,
И вижу огненные годы.
Донбасс в ту пору был суров.
Плясали отблески пожара
На хищных лезвиях штыков
И на лице у сталевара.
Он шел к заводу Ильича,
Не вскрикнув, кверху рук не
вскрикнув,
Когда припадали с плеча
Стучали конвоеры в спину.
— Еще не поздно,
Герр Мазай...
Откроешь душу стали русской —
Пошлем тебя в немецкий рай
И шанс дадим с любой закуской.
— В рай или в рай?!
— О, узмаю
Веселый ум...
Скажу вам вот как:
Коль в рай,
То с кем же пить в раю!
А в райке кровью пахнет вода!
И сердцем он унесся адаль,
К Москве и Волге,
К тем широтам,
Где сталью проверяли сталь
Его, мазановской, работы.
Он знал и славу и почет...
И вот стоит, не замечая,
Как пламя под ноги течет
И вырастает за плечами.
Пред ним азычкины.
Их круг
Тесней становится и уже.
Но почему безмолвный ужас
На лицах прорастает вдруг!
— Рукой поганую не тронь
Меня, хозяина металла!
Я сам...
Шагнул Мазай в огонь
И стал отшель.
Легендой стал он.
Смотрю в мартеновскую печь,
В огонь,
Крылами бьющий в своды,
И слышу пламенную речь,
И вижу огненные годы.

Шахтерская акация

Она живет в соседстве с
терриконовой
Не ведая о влаге даровой.
Там в жаркий полдень
Горько пахнет домиником,
Скупую и неласковую травой.
Она цветет, в жару и холод выстой.
Не жалуясь на трудное житье,
Кора у ней шершавая, бугристая,
Как руки тех, кто вырастил ее.
Веселая, задорная, вихристая,
На склонах порывавшиг и крутиг
Стоит перед шахтерами, не хвастая
И ничего не требуя от них.

МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ДОНБАССА

Геннадий ЩУРОВ

• • •

Порой бывает трудная минута,
когда решивший горестно и круто,
что поражен в жизни не позор,
ступает больно на отцовский двор.

—Блеют грады
сладкого горошка.
Цветет фасоль у травяной дорожки.
На стеклах тень зеленая — от сада.
И стол и лавки вымыты прохладой.

И потолок дощатый так знаком —
с кольцом для люльки, с розовым
сучком,
что с люльки над тобою жил-кружил,
на желтых лапках деревянных жил.

А на излете ночи
за плечами
ты крылья ощутишь и полетишь.
И вдруг тебя разбудят свет и тишь —
подсолнух озарит окно лучам.

Но если это все когда-то было,
то будет вновь,
раз это есть теперь!..
Каких же ты не выдержал потерь!
Такая ль уж беда тебя сломлила!..

Леонид ТАПАЛАЙ

Я БЫЛ НА ВОЙНЕ

В сорок первом
мне не было от роду
года.
Но я видел,
как в бой
поднималась пехота,
рвались мины,
сшибались потоки снарядов,
умирали бойцы в лазарете...
Я у самого сердца отца
фотокачочкой был в партбилете.
Но висящего в списки бойцов,
он меня ощущал за собою,
и глядел мне сурово в лицо,
Как на друга глядел перед боем.
А когда на одной из карпатских
высот
в смертоносном сверканье огня
он метнулся на черный клокощущий
дзот —
пули в сердце его...
и в меня...
До сих пор эти пули во мне.
Я их тяжесть сегодня опять ощутил.
Да,
ребенок я был на войне.
Был!

Перевел с украинского
Г. ЩУРОВ

Олег ОРАЧ

Х л е б

За плечами остави вагонную лень,
и истому,
Их развеза по ветру,
что рыщет по белому свету,
Я люблю не под вечер
возвращаться к родному дому,
А с рассветом.
Когда хата еще только очи со сна
продирает.
И опара в квашне расплытается
и стала добрей.
И спросонья труба черный дым
в небеса выдыхает —
Тут и я у дверей.
И так рада мне, так уж мне мачеха,
Что не знает, куда ей сминка рада,
Своего усидит.
Погляжу на нее: ну, неправда,
ей-богу, неправда,
Что не может она так, как мама
родная, любить,
И замесит, и ровно ковергу
подренет,
И помажет пером, и подложит
подовый листок...
А окошко сервет. Рассвет
неуверенно брезжит,
Ночь хоронится в сенцах.
Подрумянится хлеб, как восток.
Караван облизало горячим
вспыхиваю пламя,
Оставляя на корке
золотисто-оранжевый след.
Я люблю возвращаться домой,
предраственно утренней ранью,
Чтоб на миг воскресить
впечатленья мальчишеских лет.
Чтоб взглянуть на окно,
застененное розовым небом,
Стать причастным к рождению
нового хлеба и дна
И увидеть, как мама кодулет
у лачки над хлебом
В ярких сполохах света.
В нехватной пляске огня.

Перевел с украинского
А. ДРАНОХРУСТ

• • •

Приснилось мне:
я брел домой с войны.
Как воевал и били дн медведи.
Не помню уж... Чадили кровью дали,
И нивы были испепелены.
Воды хотелось им, но все не шел
Дождь...
Небо увлажняющее выгорело,
И ветер-суховой дороги мел
Своими удушающим вихрями.
Потрескались
земли сухие губы,
А пашня коркой ржавою зазвася.
И я, одет, озлобленный и грубый,
Залился вдруг слезами, не стыдясь.
Меня такая жалость охватила,
аж заболело у меня в висках!
Вонзур земля молочада грустила
В опалинах, как будто в сниках.
И мне хотелось, все переинах.
Увидеть хоть один росток весны.
...Приснилось мне...
Нет, я не верю в сны,
А в грозные предчувствия тел паче.
Но иногда бреду домой с войны
В солдатских снах...
И, как ребенок, плачу.

Перевел с украинского
В. ПРИХОДЬКО

Анатолий КРАВЧЕНКО

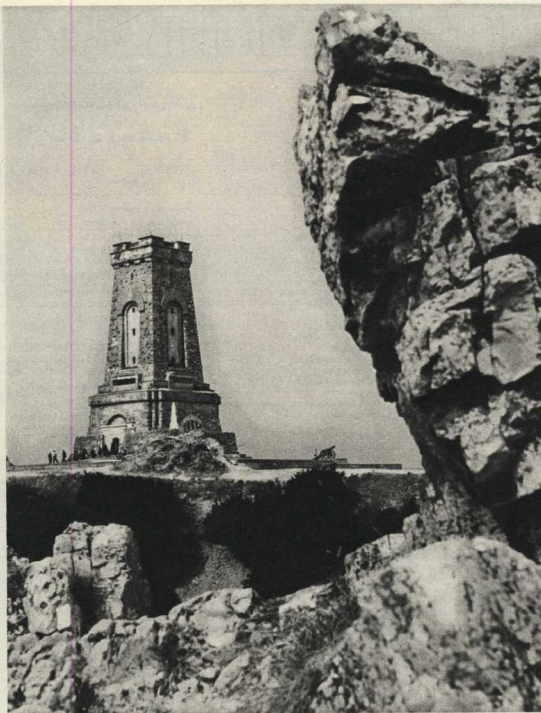
Работать

Работать,
работать,
работать,
работать,
работать до третьего пота,
работать с утра
дотемна.
Работать на совесть,
работать,
чтоб мускулы болело светло,
чтоб самой великой заботой
в тебя беспокойство вошло.
Работать,
забыть, что на свете
есть слава
и почести есть;
являлись мы в мир не за этим,
не в этом высокая честь.
А в том, что мы можем
и сможем
сработать на нашем веку —
вселенские бури стреножить
и высечь из сердца строку.
Да здравствует эта способность
работать,
творить,
созидать!
Да славится вечно
возможность
себя
самого
создавать!

Елена ЛАВРЕНТЬЕВА

• • •

То дождь, то снег переносу,
Вздыхаю о сибирских зимах,
Но реже память ворошу
И реже проклинаю климат!
И в первый раз,
гордась собою,
Спускаюсь в глубину, в забой.
Тот уголь, черный и блестящий,
Красив и хрупок,
он легко
Разламывается рукой.
Я узнаю теперь все чаще
Средь темных каменных пород
Его блестящий полет!
О легком-легком,
легкий уголь!
Как тяжело даешься ты!
И все-таки идут на убыв
Таон упорные пласты.
И это так на все похоже,
Как белый день
на белый снег,
Как жизнь на дальнюю дорогу,
На тонкий след,
На темный шптрек!

прочитать это стихотворение на школьных праздниках, дома читали родным и близким — везде, где открывалась возможность. Так шипкинские события оживали в сознании учеников и слушателей и раскрывали все свое величие, неповторимую свою героичку.

*Но в нашей прошлом, не такой уж давней,
Вет чем-то боатырским, славным,
Чем-то необычным, озарившим путь,
Смоящая в сердце пламя горюе раздуёт,
Потому что в грозном, розовом восходе,
Подняла небо мощица плечами,
Вся в костях белесых, вечности остра,
Янсыта сюда мшистая вода —
Памятник огромной победы бессмертной.
Это такой шаг на Балканских высотах,
Быть, что сказкой стала у народа, есть,
В ней бессмертье наше, наша жизнь и честь.
Слово есть, что славу нашу открывало,
Злая зона собор даже фарисаизма,
Грозное название славной высоты
Обладал зубы злобой клеветы.
Шипка!*

Но Шипка встает не только в ореоле побед 1877 года. Более двадцати лет тому назад, во времена фашистской тирании, когда реакционная болгарская буржуазия стремилась искоренить в сознании масс и прежде всего молодежи всякую мысль о великой жертве русского народа и о славной кровью братской дружбе, непобедимая Красная Армия, громя отступающие фашистские полчища, принесла второй раз свободу Болгарии.

Так Шипка, вознесшаяся высоко в Балканах, заваяла с новой силой над уползавшей в красные победы знамена страны. Социализм стал общим путем нашего развития, осуществленной мечтой лучших сынов и дочерей нашего народа. Эта дружба стала жизненно необходимой во всех областях жизни, гарантии успехов и творческих завоеваний рабочих, крестьян и народной интеллигенции. Поэтому Георгий Димитров характеризовал ее как необходимость, подобную солнцу и воздуху для каждого живого существа.

Не может быть никакого сомнения в том, что дружба, спаянная кровью храбрых русских воинов и болгарских ополченцев 90 лет тому назад, превратилась в один из самых могучих факторов нашего национального развития. И этот фактор вырос в первостепенную силу после Великой Октябрьской социалистической революции, чье славное 50-летие сейчас готовится чествовать все прогрессивное человечество. Болгарская коммунистическая партия, основанная Дмитрием Благоевым, принимавшим участие в основании первых марксистских кружков в России, и руководимая таким выдающимся пролетарским деятелем, как Георгий Кирков, Василь Коларов и Георгий Димитров, развивая и укрепляя вековые традиции дружбы и братства между русскими и болгарскими народами, сделала идеями русского пролетариата и ленинизма своими идеалами, своим революционным учением, своей программой революционного действия. Так стала возможной организация в Болгарии первого антифашистского восстания на Балканах в 1923 году, которое, наподобие Димитрова, создало неподкупную пропашь между народом и фашизмом и проявилась в смелой борьбе рабочего класса и остальных патристических сил против фашистской диктатуры и монархии. А во время Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии в нашей стране услышно развернулось партизанское движение, большинство которого представляла молодежь, организованная в РМРС (Рабочий молодежный союз).

Шипка и сегодня озаряет нашу дружбу, она является историческим корнем этой дружбы. И поэтому мы, строители социалистического общества в Болгарии, всегда с признательностью относимся к этой дружбе, гордимся ею и вечно будем хранить его в наших сердцах. Шипка как символ дружбы и новых братских отношений между народами страны переживает века.

Как говорил поэт:

*И теперь, лишь брызг армян на Балканах,
Вспоминать Шипку горь-величания,
И проносить эго гром победы побед
Через перевалы, в даль враждующих лет.*

ПАМЯТЬ ШИПКИ

то название дорого каждому болгарскому сердцу. Оно будит чувство безграничной признательности и любви к великому русскому народу, чьи храбрые сыны 90 лет назад кровью отвоевали свободу Болгарии. От Шипкинского перевала прогмела русская богатырская слава, а вознесшаяся на гордом Балкане вершина Никола (сейчас — Столетов) возвестила миру о возрождении свободного народа, который вынес ужасы и бедствия пятакового рабства. Шипка была восходящим солнцем независимости, истинником надежды, упования и мечты болгарина о новой жизни, о счастье. Шипкинская зюлепа стала нашей новой историей, символом вечной и нерушимой дружбы между двумя славянскими народами.

О Шипке сегодня напоминают не только вершина Столетова и прекрасные памятники в Плевне, Шейново и Софии, но только исторические описания героических битв. Шипка — это живая

синими не только исторических описаний героических битв в 1877—1878 годы. Шипка — это живое воспоминание в сознании болгарского народа, который из поколения в поколение передавал легенды о героизме и самоотверженности русских воинов, об их непобедимости, о всемогуществе «дедушки Ивана», который когда-то перешел Дунай, чтобы избавить своих братьев от окова рабства. В формировании этого сознания огромный вклад внес наш народный поэт Иван Вазов, чье стихотворение «Ополченцы на Шипке» знает каждый болгарский ребенок.

Я и сейчас вспоминаю, как в начальной школе мы с восторгом слушали учителя, который, прочитав стихотворение Вазова, рассказывал историю тех памятных дней, воспетых автором в своем творении. Прерывистой хрип Вазова, глубокие патристические чувства, которыми пропитана каждая строка, неповторимая образность и художественность отраженного в стихах события покорили нас до такой степени, что мы спорили за право

Тодор СТОЧЕВ

КОГДА ЗАНИПАЕМОСТЬ...

Одней ночью вину возникли какие-то звуки. Николай прислушался. Там, в глубине коридора, ходили, переговаривались, люди. Может быть, обещал? Кто-то поднимается по лестнице. Надиратель, конечно. Сегодня в этом отделении дежурит длинноусый старик. Почему его не слышно на балконе? Спал? Или просто не хотел зловердиться ради праздника? Великая суббота — кому охота грешить? Не будить ли детей?... Да, гремит в чью-то дверь.

— Не дай бог! Собирается Собираться в церковь.

В церковь? К заутрене или всенощной? Непонятно. Звонка не дают. Отказало электричество? Нет, вспышка лампочка. Подойдя к двери Николая, он открыл окошечко.

— Что, не слышите? В церковь, сказано. Собирается.

— И не думаю.

Надиратель открыл дверь, вошел в камеру.

— Вы что, Христа не признаете?

— Христе заигнать в церковь не учил. Что говорится в святом благовествовании от Марфа? — Николай приподнял, опустил на пол ноги, прикрывшись одеяльчиком. — Молчите? Как учил Иисус молиться? Не знаете? Так вот, слушайте: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись отцу твоему, который тайно и, отцы твои, видят тайное, воздаст тебе возно. Поняли?»

— Из святого, что ли?

— Да, это из святого.

— Евангелие-то знаете, а бога не признаете. Пошли на преступление.

— На какое?

— Вам лучше знать. Зря не засадит. Натворили, а теперь вот, пойдете, нагнетесь?

— Выезжайте алуцие и жаждание правды, ибо они насытятся.

— Опять евангелие? — Усац подвинул к себе табуретку и сел подле кровати, чего никогда не допускал не только он, но и никто из менее строгих надирателей. — Правду все ищите? И бог, видите, тоже за правду. Только и вынул тут не побыку. Хочет правды, а наказывает на нее. Вот заперли вас — и никакой милости. По правде-то и должен жать. А долго я так продержусь? Выгонят. У меня десаток есть, каждый есть просят. Вас пожалейте — семью обидит. Одних поглядитесь — других ушибете. Никак не уживаются. Всем не угодишь, хоть бы близких обогреть. Грешить приходится.

На балконе поспылилась шага, надиратель вскопчил, выглянул из камеры и повернулся к Николаю.

— Старый идет. Поговорим в другой раз. Вы уж сходите в церковь-то.

— Нет, не поеду.

— Своих там увидите. Весь корпус пойдет.

Шаги приближаются.

— Чего сидите, собираться! — закричал усац, подмигивая. — Живое! Не разговаривай! — Он еще раз подмигнул и вышел из камеры, лягушка дернула.

Николай оторвался одеяло и стал одеваться. Если в церковь идет весь корпус, не стоит открываться: может быть, удачи не только увидеть, но и перебраться словами с казавцами...

— Старик допши. Что это сегодня он так разговаривает? Совесть прорвалась?

В церковь вместе с толпой заключенных вошли и надиратели. Они раставили всех, как фигуры на шахматной доске: каждый должен был стоять на черной квадратной плитке, не занимая белую. Николай, чуть

«Вальшеры над тюрьмой» — так называется новая повесть писателя Алексея Шеметова, посвященная одному из первых революционных марксистов России, Николаю Евграфовичу Федосееву. В одном из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым в Казани, состоял В. И. Ленин. Великий вождь высоко ценил Федосеева как необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционером. Жизнь Николая Евграфовича оборвалась чрезвычайно рано — он погиб в возрасте 27 лет. В дни 50-летия Великого Октября мы с любовью вспоминаем имени пламенным борцом за революцию, отдавшим свои силы, талант, жизнь ради победы над самодержавием. К их числу принадлежал и Н. Е. Федосеев.

Мы предлагаем вниманию читателей «Сценки» главы из документальной повести А. Шеметова «Вальшеры над тюрьмой». Действие их относится к 1897 и 1891 годам.

выдвинувшись вперед, окинул взглядом свой ряд — никого из знакомых не нашел — и, чтобы не обращать внимания надирателя, стал на середине черного квадрата. И больше не оглянулся. Ему видна была через голую верхнюю часть иконостаса, освещенная снизу множеством свечей и сияющая золотом. Раз как-то в Нолнице, когда он, восьмилетний дворянин, любимец всей семьи, чистенький, радостный, стоял с матерью в церкви у самого алтаря и смотрел, как играет свет на золотом иконостасе, ему вдруг стало так грустно, что он приткнулся к матери и заплакал. Потом, уже в Казани, вдали от родных, он долго думал об этом знаменитом преступле грести и объяснил его предвечиванием близкого несчастья.

В Нолнице ему было уж слишком хорошо, и вот, глядя на золотое зарево свечей и слыша зловещее с кипроса божественное пение, он почувствовал, что счастье его скоро оборвется, что жизнь не может быть такой праднично светлой, что в ней есть что-нибудь страшное и оно не сегодня-завтра откроется. Да, страшное открылось. Открылось в Казани. Жизнь привела его сюда, в «Кресты», на эту черную плиту.

Пел мужской хор (женские голоса здесь запрещались), и псалмевая служба в этой тюремной церкви навевала тоску, но когда мощные басы гурьнули («и судим во гробех живот дарова»), Николай почувствовал, как подхлынуло горячее чувство.

Надиратели, видимо, соборались где-то в кучку и уже не следили за порядком. Арестанты заметили это, зашевелились, стали оглядываться, ослышавшись, перешептывались. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

— Идите, — скавал старик, — идите, пока не видят архангелы.

Николай покинул свою плиту и стал продвигаться невысоко меж рядов. Только успел он занять освобожденный для него квадрат и позвать руку Костю, как тот появился надиратель. Николай еще раз осмотрел свой ряд, поглядял вперед, никого из своих не отыскал и, повернув голову, начал всматриваться в заднюю шеренгу. Среди старик, стоявший за спиной, дернул его за локоть и понавал головой в ту сторону, куда уходила диагональ черных ячеек. Николай глянул туда и увидел Костю Ягодина, который махал ему рукой, подмигивая.

- Да, меняется, меняется. Жалко мне твоих голубоватых волос.
- Волосы можно отращивать, не потерять бы другое.
- Что именно?
- Нану веру?
- Начинать думать о покаянии?
- Пока нет.
- Пока? А дальше?
- Буду держаться. Понимаешь, я верю...— Они уже донгались к выходу, и Костя сильно стиснул в дверях, он смолк, а по дворе доглаголю ему на пороге прощания, прежде чем ввести в корпус, становились по двое в стило, и друзья в одну руку не попадали.

Николай, вернувшись от обедни, долго стоял по камени в тревожном раздумьи. Что с Костей? Что он хотел сказать? «Понимаешь, я верю...» Дальше должно было следовать какое-то «но».

Николай вынул из стола карандаш и постучал соседю — попросил его вызвать для разговора Ягодина.

Ждать пришлось долго. Ягодин находился всего в четырех саженах, но чтобы связаться с ним, надо было пробиться через пять стен, а для этого должны были включиться в работу все арестанты, сидящие в промежуточных одиночках, а не каждый из них хорошо владел техникой передачи.

В камеру вошел длинношарый надиратель. Он привнес в большой медной тарелке половник кувача, сайку, кусок отпаренного мяса и четыре красных яйца.

— Вот, разговорись-ка, — сказал он.

— Откуда это? — спросил Николай.

— Привнеси же.

— Только мнѣ Я не хочу исключаться.

— Всем, всем достается. Политическим распосом, а уголовникам вывозит в контору. — Надиратель поставил тарелку на стол и, как давя, сел на табуретку. — А вот не скажете, почему насильно встречают красными яйцами?

Николай вынул красное яйцо.

— Это гроб, — сказал он, — выпустят ногтем по скорлупе. — В гробу таится жизнь. Красный цвет — кровь Христа.

— Вот оно что! — удивился старик. — Ничего-то мы не знаем. Темнота. Вам бы учить нашего брата! На всякий случай можете ответить. Каким людям держат вахтерки! Неужели вы можете бросить бомбу? Или за что не поверю!

Николай разбил о стол яйцо и начал его очищать.

— Простите, я хочу поесть.

— Ладно, разговляйтесь. — Надиратель положил яйцо в тарелку и поднялся.

— Только он вышел, постучал сосед, и Николай принял ухом к стене.

— Разговора не будет, — выстукал сосед, — отвечает предпоследний одиночка, заболел обитателем.

Николай отошел от стены. Он долго стоял посреди камеры, потупившись в угол, а затем молча подошел к столу и начал есть жареное. Потом он заметил у себя на груди яркий блик, вскинул голову и глянул вверх, в окошко. И сощурился, ослепленный солнцем. Опомившись от внезапного светового удара, он поставил табуретку к стене и поднялся. Он вышел в узкую запертую комнату, где он привычно вынул из кармана узкий набедрок и парам проходил петербургских, проносился с поветом колески. За линией прибрежных зданий задымилась подальше являющиеся купола, и по ним удивлялись огромность и величие Петербурга. Но Николай не тянуло в этот гордый, строгий город. Ему там было вспоминается Казань с ее шумным студенчеством, с ее горками, оврагами и укромными уголками. Акс, Казань, Казань! Неужели никогда больше не увидит ее? «Когда-нибудь мы, стареньки, пройдем с тобой по метам нашей молодости и все вспомним». Это сказала Аня, там, на берегу Кабана, в тот мокрый снежный вечер, за месяц до первой серьезной тревоги.

* * *

Да, это была первая серьезная тревога. Обсуживали его и раньше, на других квартирах, но никаких запретных книг, за которыми охотились, не было. Не было никаких арестов и теперь, и все бы, как прежде, обобщилось бы осмыслению, если бы он заранее попросил Александру Семановну, свою хозяйку, назваться его теткой. Что ж, обещала, как всегда, требовала расплаты, и ему оставалось только приготовить в комнате, чтобы отделиться вымышленной ценой.

Он шел в гости, и у него неприятно сосало под лопаточкой, и вместе с тем в душе закипало чувство ринности, но это дерзкое чувство вдруг упало, когда он приблизился к белому зданию с колоннами и увидел boldly вбегающих на крыльцо, розовых от мороза гимназистов, которым не было никакого дела до того, что ждет одного из них в этом огромном х в а в и к х ж е.

Раздвигались, Николай подышался на второй этаж, вышел в пустой залок, сел и стал ждать урока. В коридоре он мог встретиться с гимназистами своего кружка, а от этого надо было пока воздержаться, но не подвести товарищей. Он решил отосидеться. Ему не терпелось увидеть историка Кулагина. Этот великий учитель не раз приглашал земляка на чаев, заведая с ним вольные разговоры на улице, восхитился его незаурядным умом, а потом доложил директору, что гимназист Николай Федосеев высказывает неподобающие мысли и, вероятно, имеет тайную библиотеку. После этого и зачастил навстречив с обиском. Кулагин, конечно, тоже знает о себе о «тетке», и по его словам, по тому, как он будет вести себя в классе, можно догадаться, какой оборот примет вечеринный визит наставника.

Звонок! Гимназисты авализуются в класс, шумно рассаживаются и поспешно затаскивают учебники с обиском. Кулагин, конечно, тоже знает о себе о «тетке», и по его словам, по тому, как он будет вести себя в классе, можно догадаться, какой оборот примет вечеринный визит наставника.

Кулагин явился не в духе. Долго не начинал урока. Сидел за кафедрой и смурчался, облокотившись на полшпир и стиснув ладонями виски.

«Что-то случилось. И не в гимназии, даже не в Казани. Наверное,

а Петербурге или в Москве. Может быть, опять покушение? Весной, когда раскрыли перваромтовцев, вот так же потемнели лица преподавателей.

Кулагин растегнул портфель, достал кувачею бумагу. — Я должен зачитать вам циркуляр министра. — Прощения, — сказал он. — Документ этот имеет целью наведение порядка в учебных заведениях. Прочту сначала внимательно.

Читал он хорошо, отчетливо выделял длинные канцелярские периоды и, подчеркивая особенно важное, взглядывал на своих питомцев. И чтобы было видно, из кого какое впечатление производит этот жесточайший циркуляр, в котором сначала перечислялись разные запреты, потом пошли указания, что должны делать учащиеся. Они должны, говорилось, избегать неблагонадежных знакомств, следить за поидельными, доносить на заговорщиков и разоблачать тех, кто вредно влияет на среду.

Прочитав циркуляр, Кулагин положил его в портфель и поморщился, будто ему было неприятно. От себя берет новую министерской инструкции ни слова. Поднялся, прошепел, заложив руки за отворот мундира, до двери, вернулся к кафедре, отодвинул от нее стул, сел и вызвал гимназиста Вершинина.

— Итак, — сказал он, — на прошлом уроке мы говорили о новой русской литературе. Назовите, Вершинин, писателей, достойных великого прошлого нашей отечественной словесности. Достойных памяти Пушкина и Тургенева.

— Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Успенский, — выпалил Вершинин.

Кулагин вздрогнул, но сразу же валил себе в руки: ему, выдавшему себя за либерала, не следовало так резко меняться в глазах гимназистов. — И следовало бы упомянуть и Некрасова, — сказал спокойно он.

— Нет, это — мое личное мнение.

— А зачем же его высказывать в классе? Оно ведь неважно. Чернышевский не делал ничего из ряда вон выходящего, и Некрасов, и теперь ничего не пишет, просто дожидает в Астрахани свою несчастную жизнь. Все, кого вы назвали, Вершинин, история забудет, как только улетит политическая страсти.

— История, может быть, и забудет, а народ — никогда.

— Замолчите! — не выдержав, крикнул Кулагин и всколыхнул со стула. — Кто вам взбрел в голову такую ересь? — Он метнул взгляд на Николая и снова повернул голову к Вершинину. — Не своим голосом поете, судяте. Подите на место и подумайте, стоит ли слушать смутяков.

Сидяте, говорю, на месте! — Вершинин пошел прочь и пошел в глубину класса, сопроводившись удивленными взглядами гимназистов.

Всю перемену класс возбуждено шептался, «бранился в кучу в конце коридора. Длинный Вершинин терпел раскатывая подал одою, явно любящую собору. Николай стоял у окна. Подошел Гавриил Волков.

— Давай осторожнее, — сказал ему Николай. — Будет следить за каждым шагом.

— Да, подвел нас Вершинин, — сказал Волков. — Кулагин только поодаль, а теперь уверился, что есть кураж. Испо, теперь не отпадет, пока не раскроют.

— Надо уделитья с Мотовиловым. Думаю, забубтовались где-то студентам. Но напрасно зачитывают этот циркуляр.

Вечером они зашли к Мотовилову и, поделившись с ним своим предположением, спросили, не слышал ли он каких-нибудь студенческих выступлений. Нет, он ничего не слышал, вечерники ничего не знают, но надо повидаться с университетскими ребятами, может быть, до них дошел какой-нибудь слух.

Понял игроком на Старо-Горшечную. Пересевая Рябоворядскую улицу, они увидели двух полицейских, которые, постукая ногой по земле и подхаливая рукавичками, глядели на кулак.

— Видели? — сказал Мотовилов. — Усиленный пост. Неплохо, друзья, у вас чутье. А холода никак стоят, а! Шагаем быстрее.

Они поблвали в студенческих квартирах и окончательно убедились, что где-то что-то случилось. У университетских ребят все возбуждено. Движен, они заметали явное беспокойство начальства. Доносчики исперьяло сновали по коридорам, глядящими в курительную, не давали собираться группами.

— Ну вот, обстановку обрисовываемся, — сказал Мотовилов гимназистам, когда они шли по Старо-Горшечной обратно. — Теперь попытаемся установить, что вызвало эту тревогу. Подумаю, шумушки петербургские ребята с Петербургом у нас отличная связь.

— У кого? — спросил Николай и оглянулся, не идет ли кто за спиной. Нет, улица в этом месте была пуста. — У кого? У нашего кружка?

— По-моему, и у нашего, — сказал Мотовилов. — Не будем делиться. Половина наших в связи связана. Ты хитрый дарец, тезка. Прямоудильный Вершинин знает всем этот циркуляр. Нет, прости, к тебе это не подходит, не втягивай, а сообразительный, прищельствуй.

— Ну, Николай Александрович, вы навелили на меня столько интето, что мне и я разоборать, какой я. В чем же я хитрый?

— В кружок допускаешь не многих, а так, вроде бы просто по дружески стянду столько студентов, что их хватает на целую организацию.

— Мы отделились, — сказал Волков. — Николай Александрович, как же установить, чем вызвана тревога?

— Установим. В нашем кружке есть человек, связанный с Петербургом. Он автра как раз вернется оттуда. Это друг названного первоуртовца — Владимиров, тезка, а познакомился с братом Александра Ульянова, Владимиром.

— В университет?

— Нет, он оказался в нашем кружке.

— Вот как! И что же, наш?

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

— Конечно, наш. Правда, в споры еще не вступает, приглядывается, прислушивается, но по тому, как слушает, можно уже видеть, что с народниками не пойдет.

— Он слервентит, крешкий.

Проходя мимо полицейского, они прикинулись подвыпившими. Полицейский приостановился, посмотрел, привлеченный плодом и шляпой Мотовилова, и «подвыпившие» окончательно заключили, что наблюдают именно за студентами.

— Пляд вас выдает, Николай Александрович, — сказал Федосеев. — Срау видно, студент старшего курса, а такие на особенном счету.

В конце улицы, на самом выходе со Старо-Горшечной на Рабзорную, все стояли на углах те двое, что гонялись там и давеча.

— Удобное место заняли, — сказал Мотовилов. — Заперли улицу. Охраняют наш Латинский квартал.

— Да, незлук студентам, — сказал Николай.

Они поравнялись с трактиром.

— Что, может, зайдём? — сказал Мотовилов и остановился, придерживая друзей.

— Я ничего не пью, — сказал Волков.

— Но начинать-то когда-нибудь надо же. Не избежать. Рахметов, господа, устарел. Идет новая порода рево. — Рванул, открывшись, трактир, но дверей вывалилась кучка пьяных, Мотовилов глянул на

них и опять повернулся к друзьям. — Идет новая порода деятелей. Номо суп, шпанли пилили а пие ашпанли пили. Это, признавал и наш учитель из Трира.

Они открыли дверь и вошли в дым, там и тут.

— Чем угостите, красавица? — сказал Мотовилов, подойдя к стойке, за которой стояла несладкая смазливая бабенка.

— Вам чего-нибудь подлиннатней? Визну, не на наших. Гимназистов причаждаете? Французско-кагорчанку? Есть у меня на такой слу-

чай и кагорчик и апельсинчики. — Нет уж, дайте чего-нибудь нашего, отечественного, — сказал Мотовилов. — По шкалику смировской и селедку с луком.

Хозяйка нырнула под занавеску в кухню и вскоре привнесла отсюда продолговатую тарелку с большой астраханской селедкой, разрезанной, но не разрезанной на кусочки и покрытой колечками лука.

— Пожалуйста, молодые люди. — Она наполнила три шкалика и подала их вместе с ломтами хлеба на цветастом подносике. — Малости просим, для вас честь по чести. Приятных гостей приятно и угощать. Малый Освободи господам столики. Наклюкался — выходи.

Седой татарин, сидевший неподалеку от стойки, вскинул голову и тут же снова опустил ее.

— Мы никому не мешаем, — сказал он.

— Я кому сказала? — прикрикнула хозяйка. — Могут вывести, если сама не в силах. Пинка захотел?

— Не трогайте его, — сказала Николай. — Он не помешает нам.

Старик, когда к нему подошли, медленно обернул взглядом незнакомцев и печально улыбнулся.

— Ай, какой хороший люд! — сказал он. — Очень хороший. Совсем молодой. Жалко. — Он закрыл глаза ладонью, всхлинула, встал и поспешно вышел.

— На дух что-то проваодеет, — сказал Мотовилов. — Вы тоже чуе. Давайте выпьем за то, чтоб не терять друг друга, где бы кто ни оказался.

Они выпили и запустили вилики в сельдь.

У задней стены какой-то кварики, лохматый, очкастый, взобрался на стол и сивилем перевернул многотолстый талат.

— Не бойтесь огненного дождя! — кричал он, размахивая широкими рукавами своей непоисумо истрепанной одежки. — Гомсрра погибла — Каваан не погибает! У Гоморры не хватало в грехах огня, ей пошла с небес. Каваан отдаётся пламеню. Значит, священню. Каваан скажет свое слово. Скажете! В грехах обретет истину. Отсюда выйдет настоящий мессия. Наш, земной. Он здесь, он ходит между нами. Кто знает, может, вот тот! — Карлик протянул руку вперед.

— На тебе показал, тезка, — сказала Мотовилов.

— Нет, на вас, — сказал Николай.

— А что, ребята, может быть, среди нас в Каваан действительно есть будущий большой человек? Нет, не мессия, конечно, а просто человек, которого история поставит во главе масс. Время начинает закипать. Думаю, затихие скоро кончится. «Народную волю» подвдвали, но буря вперед! — это движение масс. Героям ничего не удалось, а вот когда раскачается масса — не угощать империй крепости.

Николай тонокто толкнул Мотовилова локтем.

— Messieurs, soyons prudents. La maitresse a ce qu'il semble, nous tend l'oreille. Peut-être parlons français ?

— Не понимаю, — сказал Мотовилов.

— Предлагает перейти на французский, — сказал Волков.

— Не могу. Кто-нибудь слушает? В таком аду?

Николай кивнул головой в сторону стойки.

— Понимаю, — сказал Мотовилов. — Меняем тему. Вы что, оба владеете французским?

— Он — да, — сказал Волков. — И французский и немецкий. Я так себе. Плохо учусь. У меня только по богослужению пять, а то все тройки.

Мотовилов расхохотался.

— Значит, тебе, Гаврил, идти бы в священники, — сказал он.

! Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).
! Господа, давайте осторожнее. Хозяйка является, и нам прислушивается. Может быть, перейдем на французский (франц.).

— Предлагаю в духовную академию? Шучу, шучу, конечно. Поминаю, симнема?

Они покинули кабинет, подошли к полицейским, поднялись по Рыбницкой до Грязинской и тут стали прощаться.

— Так не забудем наш уговор,— сказал Мотовилов.— Не теряться, где бы кто ни оказался. Думаю, еще встретимся в кружке. Ну, а если не встретимся, дело не значит у нас и без тебя. Слезем бергсьез на Маркса. Держитесь на него крепче.

— Нет, мы не расстанемся,— сказал Николай.— Завтра вы должны сообщить нам новости из Петербурга. Если там выступили студенты, мы тоже не оставим в стороне. И мы должны принять участие в борьбе. Желал бы, чтобы вы вернулись в Казань все-таки так внезапно и закулисно с такой быстротой, что Николаю и его друзьям по гимназии не удалось соединиться со студентами. Вести о студенческом бунте пришли не из Петербурга, откуда их ждал Мотовилов, а из Москвы. И еще раз в этот день, когда казалева получила письмо из Московского университета, пришлось спешно готовиться к выступлению, на Николая напало гимназическое начальство, и он, неотступно преследуемый, только урывками встречался с кем-нибудь из университета или ветеранарного института и добывал скудные сведения о том, что делали студенты. В тот день, когда в «Вольском вестнике» появилось правительственное сообщение о беспорядках в Московском университете, Николай сидел в дворянской гостинице у отца, который, приехав в Казань по вызову директора гимназии, сшил вчера номер, а утром, переговоров с начальством, ушел сюда в гимназическое кафе. Они выпили бутылку шампанского и приступили к разговору, неприятному и трудному для обоих. Отец, расстегнув мундир и откинувшись на спинку, сидел на глубокой софе, а Николай по привычке двигался взад и вперед, никак шагая по кобру.

— Вот так, Николай Ефграфович,— говорил отец,— учился ты блистательно, и мы на тебя очень надеялись. Оставался последний класс, и вдруг все рухнуло.

— Сдам экстерном,— сказала Николай.

— Не слыш. Не о тебе и речь. Отец был прав: не об экстерне думал его сын, особенно сейчас, когда с минуты на минуту должны были выступить с протестом студенты университета и ветеранарного института.— Из года в год я вношу в казну деньги, чтобы ты мог получить у университет стипендию. И все на дару.

Николай поднял и споты, вынул из вазы абакон, подкинул его на ладони, положил на место и снова стал ходить по матиков кобру.

— Я не виноват, что так получилось,— сказал он.

— Как так не виноват? Директор все мне выложил. Простую твою жажду. Кружка вина была быбана в начале.

— Не вижу никакого простуна. Только в России с ее дикими установлениями нельзя делиться с друзьями мыслями, нельзя читать, что хочешь.

— Ну, а зачем же поподобилась тебе эта выдумка с «стеткой»?

— Не хотел, чтоб обшаривали и обиживали мое жилище.

— Ладно, передо мной mother не оправдывается. Я-то, может быть, и пойму тебя. А что с матерью будет? Она не выдержит этого удара. Так любила тебя, так любила «Коленька, Коленька». Вот тебе и «Коленька». Не поедит, домой-то?

— Нет, не поеду.

— Но меня просят выйти тебе под свою ответственность.

— Отказываюсь.

— Отказываюсь. Я курнет и хорошо знаю, что это значит. Это значит признавать тебе не поддающимся никакому благовому воздействию. Это значит поставить тебя под негласный надзор. Потом попадешь под гласный. Понимаешь ли ты свое положение?

— Поминаю, отец.

— И все-таки остаешься здесь?

— Не могу иначе.

По улице пронесся отряд конной полиции. Николай бросился к окну, отскочил, замечтался по комнате, поблбедил.

— Что с тобой?— тревожно спросил отец.

— Папа, прости, но я не могу больше оставаться у тебя. Там, наверное, студентов набивают. Газеты сегодня видел?— сказала Николай.

— Это ты про московских студентов?

— Да. Ты их бранишь?

— Сию минуту я не следователь, могу даже присутствовать.

Отец заморгал и, отвернув лицо, обнял сына. И сразу же оттолкнул.

— Ступай, не теряй мне душу.

Николай вылетел из гостиницы и побежал на Воскресенскую. Сначала вброс бегом, потом, заметив злобные взгляды людей, идущих по сторонам улицы, остановился в садах по дороге, пошел шагом, даме медленным, как будто вовсе никуда не спешил. Но идти так было невыносимо. Вτερα Матвеев передал ему через Аию, что студенты решили выступить именно сегодня, и понятно, что газета, сообщившая о московском событии, только подвигает их. Он шел и уже видел свалку на Воскресенской, поблбодную той, какою описал тайный московский корреспондент, приславший письмо казалева студентам.

Но свалки на Воскресенской не оказалось. У многоколонного здания университета спокойно рассказывали полицейские. Пришли они сюда, очевидно, давно, и спускали, и возгорались, и уса у них были белы от кур-жака, а вышедшие дае рукоты и южны шапки.

Подходя стояла, тихо переговариваясь, толпа любопытных. Николай подошел к ней, прислушался к разговору.

— Поминаю, наверно, заговорщиков.

— А чего же не ведут?

— Может, опять беспорядки? Наши студенты на это горазды. Помните, как бегушали они при Фирсове? Уж на что был строгий ректор, а не справился, солдаты усмирляли.

— Это в воскресенье было?— Да, тогда они прогремели на всю Россию, за ними поднимались и другие.

— Тогда Казань начала, а нынче — Москва. Газеты читали?

— Нет, бжта не будет. Уже скрутили, поди.

Люди высказывали свои предположения и догадки, но никто из них не решился подойти к вопросам о полицейских, а те, гордые и довольные, что оказались во всем своем величии на виду у этой толпы, не разогляны ее. Один из полицейских, небольшой, простенький, прожигавший отдельно от других, и было похоже, что его отщери, чтобы он, такой неважный, не портил даму вышестоящей стражи. Николай решил, что с толпой можно и поговорить, и подошел к нему.

— Скажите, что там происходит?

— Полицейский сшил vareжку и сорвал с усов ляднику, свансавшую на губы.

— Сходка у них,— сказал он, и это прозвучало так, будто студенты заняты, а полиция их охраняет, что никто не мог помешать им.

— А давно идет сходка?

— Почти что с утра.

— Все спокойно?

— Полицейский насильно глянул на своих сослуживцев, гордо расширяющих у парадного входа, и встретился.

— А ты почему не на уроках?— строго сказал он.— Из какой гимназии?

Толпа начала растекаться, и Николай шлп. Спорачивая на попережную улицу, он оглянулся, посмотрел на здание университета — оно выглядело удивительно мирно, белое, многоколонное, с кучкой людей, сплотившихся у парадного крыльца.

Николай, через три дня, когда кучка гимназистов собралась ночью в потайной ходовой комнате и студент Васильев, брат знаменитого казанского профессора, рассказывал о сходке в университете, Николай сидел на корточках в углу, в черной темноте, все еще видел белое мирное здание и никак не мог представить, что как раз в то время, когда он, оглянувшись, сидел на нем, внутри, в актовом зале, бегунали бжра, а по соседству, во дворе полицейской части, стоял батальон солдат, готовый в любую минуту броситься к университету.

Ректор Кремлев не допустил ареста студентов в университете, дал им свободный поквартирный, но инспектор Потапов, получивший на сходке поделку списки почетного учебного года, а тот — полиция, которая тут же приступила к делу и за ночь переловила всех, кого Потапов отметил в своих прописках трем крестинами.

— Расскажите о вашей сходке с братом,— сказала Николай, глядя в то место темноты, где сидел невидимый Васильев.

— Схватки, собственно, и не было. Вы же знаете, что брат не реакционер. Он на стороне студентов. Но поступил так, как профессор Преображенский, который, по инспектору Потапову, получивший на сходке зава заявил, что уходит из университета, а этот не хотел распускать студентов, боится, что нас избыток, как в Москве. Помогал ректорусе учивать. А когда он сказал, что в Петербургском университете все тихо и мирно, я перешел его. Поспорил.

— Ну, а что же исключено? спросил кто-то.

— Исключение и аресты продолжают. Первый список — тридцать пять человек. Это голова.

Васильев еще долго рассказывал о сходке в университете, и гимназисты, зашедшие в комнату, только слышали об этом событии, теперь узнали все его подробности.

— Расходятся по одному,— сказал Николай.— Будете осторожны. Всюду шныряют полицейские и солдаты.

— Вы встретились с братом?— спросил Николай.

— Он тут грустно напомнил другую ночь, когда вот в такой же темной комнате он остался с Мотовиловым.

— Ну, о чем вы думаете?— спросил Васильев.

— Понимаю, жалею, что пошел не в ту сторону.

— Рассказывайте? Странноват?

— Нет, я не об этом. Пошел ведь тогда с Воскресенской в ветеранарный институт. Надо бы прямо по Университетской, а я решил дать круг и на Вознесенской столкнулся с наставником. И он ушел меня в гимназию. Так и не удалось встретиться с Мотовиловым. В котором часу он пришел в ветеранарный университет?

— Кажется, в третьем. Они хотели пораньше, да задержались в институте. Пока кружили директору петицию, пока объяснялись с ним, пока возились у нашего входа с полицией, сходка уже приутихла. Но все-таки она подернулась нае. Кстати, Кремлев сам попросил выпустить их в зал.

— И я б, возможно, как-нибудь проскользнул с ними, а меня в это время лишила директор. И чего тратил силы? Уже знал, что попочитель предельно исключать, и все-таки уже пылял.

— Вантусов?

— А вы с братом-то не сорьетесь: пользуетесь его библиотекой. Возьмем да и отождем.

— Нет, мы не сорьемся. Дома он тоже бунтарь. Ненавидит русскую деспотию. Но ведь профессор. Вон хочет чучуть кабарду. Что, дяденька?

Они огульно выбрались в коридорчик, направили в конце его дверь и постучали козянцу.

— Уходим, закрываемся.

Николай притворился калитку и глянул на улицу, белую, лунную, пустынную.

— Никого,— сказал он.

Они пожали друг другу руки и быстро пошли в разные стороны.

Темным было начало...

Николай еще раз посмотрел на Небу, на дальнюю набережную, по которой прохаживались маленькие фигуры людей, и отошел от окна. Серые каменные стены снова окружили его.

Да, таким было начало... А теперь эти стены...

Николай еще прощелся по набере...

Солнечный диск высветился на полу яркий желтый квадрат. Солнце! Как давно он не видел его! И когда увидит снова — кто знает... И все-таки он увидит его.

«ДИАЛОГ МАШИНЫ»

Стремление очеловечить загадочную природу, сблизиться с ней оказалось поразительно устойчивым на протяжении всей истории человечества. Как писал великий биолог А. Бекетов, человек «...сам есть часть этой природы и живет с нею одной жизнью, со всем, что ни есть в природе, — находится он в связи, в стройном союзе, в гармонии. И если искусственная среда городской жизни подчас ослабляет сознание этой гармонии, то оно легко восстанавливается, лишь только человек попадает на волю, лишь только грудь его вдыхает свежий воздух полей и лесов».

То, что для Бекетова было «искусственной средой городской жизни», стало для нас «второй природой».

Изнавляя людей стремился установить контакты, скажем, с животным миром, обучая нужные им чувства своему языку и стараясь познать, в свою очередь, их «язык». Многочисленные рассказы о животных, свидетельства дроссировщиков подтверждают успешность этих попыток.

Нечто подобное происходит и со «второй природой». Еще Н. Лобачевский говорил: «Чему, спрашивая я, одобряя своими блатеальными словами в последнее время математические и физические науки, бесспорно, искусственно лишить нас своего, ибо как назвать эти знаки различных числений, как не особым, весьма сложным языком, который, не умывая напрасно нашего внимания, одной чертой выражает обширные проблемы».

Ныне проблема общения с машиной, взаимоотношения человеческого и машинного языка, разговор с машиной становится одной из первоочередных проблем покерения «второй природы». Недаром на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве этим вопросом был посвящен специальный симпозиум: «Психологические проблемы системы «человек—машина».

На этом симпозиуме с интереснейшим докладом выступил советский ученый Ю. Павлов. Основные положения этого доклада, как отмечая и советские и зарубежные исследователи, очень точно отражают нынешние представления о проблеме разговора с машиной.

С первого взгляда как будто бы все просто. Машина может разными способами сообщить человеку, что именно она сделала: напечатать цифры или текст, построить график, высветить результаты на специальном табло. Конструкторы машины заботятся о том, чтобы результаты работы четко-вычислительного устройства были сообщены заказчику в удобной и желательной для него форме.

Но при этом до сих пор оказывается практически исключенным наиболее естественный способ общения — при помощи устной или письменной речи. В цепи «человек—машина» явным образом присутствует промежуточное звено: то ли перевод на специальный «машинный» язык, то ли превращение слов в движение рычагов и кнопок. Насколько удачно такое звено, можно себе без труда представить, вспомнив детскую игру с испорченной телефонной. И уж, во всяком случае, промежуточные звенья снижают скорость и надежность ввода информации в машину.

Между тем техника развивается в направлении усложнения производственных процессов, повышения мощности установок и точности режимов

их эксплуатации. Многие энергетические, химические, металлургические объекты так сложны, так мощны и требуют такой координированной регулировки режимов, что управлять ими может только вычислительная машина.

Но вычислительная машина получает все необходимые исходные данные от человека. Вот и получается, что, если мы не научимся вводить нужные данные в машину быстро и точно, если специалист не сможет «беседовать» с машиной, как с понятливым собеседником, где-то на дальнем конце логической цепи управления производством начнутся непредвиденные, а может быть, и опасные срывы важнейших процессов.

На заре возникновения электро-вычислительной техники считалось естественным, что для составления программы работы той или иной машины нужен специальный «язык» и что люди должны освоить «машинные языки». В результате выяснилось на беду всей целая армия специалистов, владеющих «языком машин», другого способа общения с этими представителями «второй природы» людей не знала.

Со временем само понятие «язык машин» стало члениваться, разделяться на элементы. Необходимо, специально препарируя задачи, которые предстояло решить машинам, буквально сродна на них преимуществ машинных операций. И тогда возникла светлая идея передать переводческие функции самим людям. Человек дает машине задание, она сама себе его переводит с языка людей на язык символов, а затем решает и выдает ответ — так мыслась реализация этой идеи.

Правда, свойства человеческого языка и «чужеземные способности» машины пока что плохо улавливались друг с другом. Пришлось расширять понятие «машинного языка» и ввести в него новые элементы. Тогда-то и стал «машинный язык» понятием мозаичным. Появились специальные языки алгоритмов. Они позволяли автоматизировать программирование.

Парадоксально! Мы говорим о нежелательности промежуточных звеньев, ссылаемся на «испорченный телефон», а между тем появляется новое промежуточное звено. Цепь «человек—машина» удаляется. Математиком на решение задачи — и минуем на ее формирование, на запись ее условий. Обходимее, нетерпимейшее положение. Особенно при использовании машин в системах управления, где ей становится все больше и больше.

Ковенчо же, подобное ненормальное положение не могло существовать долго. И как предвидеть новых звеньев на сцене появилась идея автоматического антивистического анализа.

Что это такое? Разберемся по пунктам. Алгоритм — это математический ключ к формализации

задачи, иначе говоря, принципов перевода той или иной задачи на язык формул и символов, понятный машине. Автоматический антивистический анализ, выполняемый при помощи специального алгоритма (вспяти говоря, обшего для многих задач), дает возможность самой машине перевести (используя специальный словарь) слова человеческого языка на понятия машинных операций.

Такой способ общения с машиной очень удобен для человека. Однако способ этот предъявляет очень высокие требования к машине и потому не мог быть реализован на ранних стадиях развития электронной техники. Одна из причин: программа антивистического анализа занимала слишком много места в памяти машины — около 75 процентов. Да и скорость выполнения машинной соответствующим антивистических операций была невысока.

Нине дело сейчас. За последние 10 лет скорость работы машин и объем их запоминающих устройств выросли почти в сто раз. Теперь можно утверждать, что аппарат антивистического анализа будет размещен в памяти машины не более 5 процентов ее объема. Мы уже можем говорить о машинах, которые будут выполнять команды, записанные на языке людей. Мы даже можем думать (реально думать, а не мечтать) о таких машинах, которые станут воспринимать эти команды ее голосом.

Недалеко то время, когда «диалог с машиной» станет понятием, употребляемым в первом смысле этого слова — разговор, беседа, обмен информацией при помощи речи. Правда, для этого потребуются серьезные и биологические, и филологические, и инженерные изыскания. Ведь воспринять речь составляет одну из важнейших функциональных особенностей высшей нервной деятельности человека. Люди способны воспринимать слова, произносимые хорошо поставленным диктором голосом и еще различимые в лепете ребенка, понимать иностранца, говорящего с невнятным акцентом, и разбираться в сложной системе речевых дефектов — от неслышимости до заикания. Машина к этому не способна. Пока не способна — ей требуется безукоризненная, противостоит членность человеческая речь. Однако уже ведутся исследования, цель которых — обучить машину воспринимать любую речь. Для этого изучают свойства надежной классификации речевых звуков но так называемым «фонемным категориям». (Фонема — это дробная единица речи. Каждая фонема характеризуется точным математическим выражением, на основу которого положены различия акустических спектров фонем.)

Если удастся научить машину автоматически классифицировать, улавливать речевые звуки и зависимости от особенностей их произношения, «беседование» людей с детскими «второй природой» значительно упростится.

Впрочем, расчленение человеческой речи на отдельные несмысловые элементы при разговоре с машиной не единственный путь решения проблемы. В последнее время ведутся успешные опыты создания так называемых «языков смешанного класса», где в едином рабочем языке используются живая речь на совместности с машиной. В этом случае единицы распознавания являются слово (лексема), а не фонема, слог, звук или какой-то другая дробная единица речи.

В этом случае человек, его рабочий речевой

орган — гортань — как носитель речевого кода контактно соединяется с машиной. И вся система будет работать на основе распознавания сигналов гортани.

Говоря об актуальных проблемах системы «человек—машина», нельзя не сказать об устройствах, распознающих зрительные образы,—читающих автоматах.

Подобно тому, как при звуковой связи происходит членение речи на звуковые элементы, «видящие» машины анализируют графическое изображение. В основу такого анализа положено распознавание элементарных признаков, свойств и классов изображений. Элементарными признаками в этом случае являются: дуга, прямая, выгнутый угол, выгнутый угол. Свойством называется определенная последовательность элементарных признаков при «обходе» контура изображения. Класс — множество изображений с одинаковыми свойствами.

Оперируя такими понятиями, машина успешно «читает» чертежи, строит по плоским проекциям пространственные объекты,— это большая помощь инженерам-проектировщикам.

Давайте попробуем проследить за «сходом мыслей» автомата-конструктора. «Увидев» нарисованную проекцию будущей детали, он изучает ее при помощи фотоэлементов: устанавливаются понятия «верх» и «низ» чертежа; выделяются четыре направления движения по контуру. Затем фотоэлементы «обходят» по контуру предложенную автомату фигуру, и машина получает сведения об элементах и классе рассматриваемого изображения. Затем эти данные сравниваются с теми, которые хранятся в памяти машины, и в результате такого сравнения создается рисунок истинного вида спроектированной детали.

Помощь конструкторам не единственная сфера деятельности читающих автоматов. Сейчас совершенствуется машина, способная прочесть и прореферировать научную статью, даже целую монографию. В ознаменование информации, который буквально грозит затопить научные институты и лаборатории, скоро появится электронный логотип.

Проблема «чтения» машинной слов и символов, написанных людьми, остро ставит вопрос о новых способах хранения информации. На смену привычным книгам и журналам приходит стеклянные пластинки, покрытые желатиновым слоем, в кото-

рой вкраплены десятки тысяч крошечных линз. Такая пластинка — новое хранилище информации, способное вместить содержимое многих томов.

Но это — будущее, хотя и близкое. А вот реальность. Недавно создана полупроводниковая малогабаритная цифровая машина «Мир», предназначенная для автоматизации инженерных расчетов в конструкторских бюро и научно-исследовательских институтах. Машина эта рассчитана на людей, не имеющих специального математического образования по курсу программирования, то есть людей, не владеющих «машинным языком». Клавиатура управления машиной содержит русские и латинские буквы, знаки математических операций.

Конечно, тут мы имеем дело лишь с начальной фазой решения проблемы «диалог с машиной». Ясно, что проблема эта не может быть решена завтра же. И одна из причин этого кроется в человеческом языке. Дело в том, что математический подход к проблемам лингвистики заставляет людей отыскивать закономерности, точные закономерности его формирования и развития.

Информативность языка — количество информации, приходящейся на один слог,—оказалась вели-

ТКРЫТИЯ

18 МИРОВЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ, 1 007 ВЕСОСЮЗНЫХ И РЕСПУБЛИКАНСКИХ РЕКОРДОВ, 12 ТЫСЯЧ СПОРТСМЕНОВ, ВЫПОЛНИВШИХ КАНДИДАТСКИЕ И МАСТЕРСКИЕ НОРМАТИВЫ... ТАКОВЫ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЦИФРОВЫХ ИТОГОВ IV ЮБИЛЕЙНОГО СПАРТАКАДЫ НАРОДОВ СССР.

БЕЗ СОМНЕНИЯ, САМЫМИ ВНИМАТЕЛЬНЫМИ ЗРИТЕЛЯМИ СПАРТАКАДЫ БЫЛИ ФИНАЛЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ КОМАНД СТРАНЫ, ВЫСКИНУТЫХ В СРЕДИ ТЫСЯЧ УЧАСТНИКОВ КАНДИДАТОВ НА МЕКСИКАНСКУЮ ГОРИЗУ: ВЕДЬ НЕ ЗА ПРАЗДНИКИ ИГРАЮТ СЕГОНЧА МОЖНО СМЕЛО СКАЗАТЬ, ЧТО ВО ВСЕХ ВЕД ИЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВИДАХ СПОРТА ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ ИМЕНА. В БОЛЬШОЙ СПОРТ ПРИШЛИ ТАЛАНТЛИВЫЕ ЧЕМПИОНЫ — БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ И РЕКОРДСМЕНЫ.

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ РАССКАЖЕМ О ЧЕТЫРЕХ ОТКРЫТИЯХ, СДЕЛАННЫХ СПАРТАКАДОМ: О ГИМНАСТЕ ЛЮБЕ БУРДА, ПЛОВЦЕ ЛАРИСЕ ЛАТЫНИНА, ЛЕГКОАТЛЕТЕ ВИКТОРЕ САМЕВЕ, БАСКЕТБОЛЬСТЕ АНАТОЛИИ КРИКУНЦЕ.

У НИХ РАЗНЫЕ СУДЬБЫ, РАЗНЫЕ ПУТИ В БОЛЬШОЙ СПОРТ, РАДНИТ ИХ МОЛОДОСТЬ И ПОВЕДЕНИЕ ПРАВО НАЗЫВАТЬСЯ КАНДИДАТОМ В ОЛИМПИЙСКУЮ СВОРЮЮ СССР.

Люба Бурда

Сколько раз Люба Бурда была газетчицей! Я одним из первых провела о новой молодой надежде тренера Юрия Згурдовича. Об этом проборонились по молодости два воронежских тренера на летнем спартаковском сборе в Ижевском: есть, мол, у нас одна девочка. Ее пока не выпускают на соревнования, но она уже делает такие упражнения, что ажмух. Ее привела и Шугувану его бывшая ученица, ныне тренер. Ну, уж только спорю друзья проболтались, я тут же потащил их в зал — покажите эту чудовещу!

Зал в Ижевском доме небольшой, и тогда занималась гимнастка Шугуванова, то даме его самого трудно было отыскать — пруду пруди гимнасток от молодежи до мастеров. Вот в этом муравейнике я и увидел в первый раз Любу. Выше она мало чем отличалась от кувырившихся рядом «птилечек». Маленькая, тоненькая, с длинными ногами. Но на снарядах, в аэробических прыжках и в простых движениях ее отличали необычайная для этого возраста собранность, четкость, легкость. И уже тогда проглядывалась свой собственный почерк, который так выразительно проявился год спустя на Спартакаде.

Ляспос Юрия Згурдовича, отнюдь у Любы вышло это вот свое испытание... Он сказал, от характера. Работать с ней легко, одно удовольствие. Но она, чертенок, все время что-то сама про себя собирает — смеется, выруг и появлялся какой-то новый штришок.

Я видел, как накануне финальных соревнований Спартакады и Люба подошла Ларисе Латыниной.

Боже мой, какая не ты маленькая! — воскликнула знаменитая гимнастка. — На помосте еще ничего, а там.

Действительно, в своем коротеньком платячке Люба совсем не походила на участницу, а тем более на финалисту.

И Латынина сказала уже серьезно: — Сейчас ты пойдешь в физкультурный диспансер. Зачем? Тебя посмотрят и скажут, можно тебе выступать в финале или нет.

Люба молча слушала. Но глаза ее ясно говорили: «Можно, я-то уж это знаю!»

Бурда заняла треть место в многоборье и завоевала две серебряные медали — на брусьях и в волевых упражнениях. В 14 лет это поразительный успех. Тем более что Спартакада была для Любы всего шестым соревнованием в жизни!

Не рано ли?

Ведь такие сложные упражнения, такие нагрузки, физические и психические, типичны для детского организма.

Врачи допустили Любу и участию в финале, хотя исследовали ее придурчиво. Но это, конечно, еще не ответ на вопрос. Его могут дать только ученые, которые, и сомнению, до сих пор обходят стороной проблему ранней спортивной специализации. И я решил спросить тренера Любы, что

он думает по этому поводу. Ответил Шугуван так:

— Бурда — редкое исключение. Даже в нашей воронежской школе, где занимаются только одаренные дети, она одна такая. И я работал с ней иначе, чем с остальными. Я видел ее данные и готовил ее сразу для большой гимнастики. Собственно, я и сейчас не ставил задачу специально подготовить ее и Спартакаде. Это получилось само по себе. Мы с ней, например, обязательную олимпийскую программу вообще не изучали. Но весной попробовали вместе между прочим — все делал, давал гимнастка у нас тренируется много, но по другому принципу, без строго очерченной схемы занятий, — как в другие. Барометр — желание. В недельном цикле у нас есть даже два дня, которые мы называем «днями фантазии». Девочки сами придумывают новые движения. Иногда пробую, а чаще просто сидим и болтаем. Так сказать, творчески разраба.

Могут и этому добавить, что на Спартакаде Люба даже и ночью четвертьдневной борьбы выглядела свежей, глаза сияют, даже когда она хурирует. Что еще можно сказать про нее? Параша в восьмой класс. Учится хорошо. В анете участника стоит «Лисенка».

Фото В. САФРОНОВА

А. КУЛАКОВ

САМЫЕ

Виктор Санеев

Может ли человек за одно лето вырасти на 11 сантиметров? Оказывается, может. Именно такое случилось с Виктором Санеевым в 15 лет, и сразу переменилась его судьба. Отец Виктора 13 лет подряд лодка неподвижно, прикованный к постели тяжелей недугом, и в соседней комнате мама — работница Суусуйского треста озеленении. Уходи на работу, она оставила дом и больного на попечение маленького сына. С интересом он наблюдал Витю во излечении и сразу же гулял вылетал на улицу, где мальчишки гонили мяч, футбол доставлял все большие и больше забот Ксении Алексеевне. Кованый мяч стал поможкой в учебе, да и оздоровительная парнишка начала изрядно. Тогда и решено было определить его в Гатчинский интернат. Учиться-то Витя начал лучше, но своей привязанности к футболу не изменил. Четыре года играл в школьной команде. И вдруг все полетело и чертам. За три летних месяца 1961 года парень вырос из брюн, рукава стали до колен, но главный беда опирала его на футбольном поле. Витю будто подменили, словно он никогда и не играл в футбол. Став сразу неуловимым, ноги заплывают, вроде бы даже бегать разучился...

Вскоре судьба свела его с тренером по легкой атлетике Анатолом Нерсисяном, сумевшим уловить юношу «норовелого спорта». Год тренировок принес отличные результаты: Виктор пробормотал стенограмму за 10,9 секунды, прыгнул в длину на 6 метров 93 сантиметра, а тройным прыжком — на 14,88... Так он нашел свое спортивное призвание.

Летом 1964 года Виктор Санеев завоевал право выступить на европейской играх юниоров в Варшаве. Дебют на международной арене был отмечен двумя серебряными медалями.

Успех знаменовал начало поры

оплакивающих надежд на большое спортивное будущее. Но вдруг разболелась толчковая нога. Диагноз — деформирующий артроз, приговор врачей — бросить спорт и усиленно лечиться!

Полтора года не было слышно о «суусуйском нингуру», и многие сочли, что его постигла судьба спортивных метеоролов: влетел, блеснул и скрылся. Но интуицией весной он объявился вновь и показал результат международного класса: 16,64 — пятое место в списке лучших «тройных» нов мира за сезон!

Сенсацция застала взрослых даже самых маститых знатоков легкой атлетики, уже забывших о позапрошлом годе успехе сухих. На спартакиаде турнире легионеров Санеев был лишь четвертым среди «тройных», но зато взял реванш в побочном для себя виде — прыжках в длину. Он завоевал серебряную медаль, обыграв таких известных прыгунов, как Леонид Барковский и Тину Финн.

Я подраиваю его с успехом, а он в ответ только рукой махнул. «Чего там говорить! Тройной-то прыжок, основной своей програв». Так же и надо! А тогда он анализировал причины своего «оправления», и невольно подумал о том, что спорт рождает характер, воспитывает волю и мужество. Виктор выжил, только себя: плохо размечал разбег, недоотступал ступню до бруска, а когда удавалось, отличной прыжком, отпрыскал назад рукой и упустил верную возможность стать победителем. «Нет у меня настоящей спортивной злости. Ну, даю, теперь-то я знаю, что делать!»

Что ж, давайте подождем следующие стартов. Ведь тогда-то и Владимир Брумель был на Спартакнаде только седьмым...

Г. ЕЛЕНСКИЙ

Лариса Захарова

Когда на старт вышши участницы финального заплыва на 400 метров в комплексной плавании, всем стало ясно: очередная дуэль между рекордсменкой СССР харьковчанкой Людмилой Захаровой и Светланой Бабановой из Ташкента вряд ли принесет никому-нибудь сенсацию.

Но что это! Канадка пловчиха из команды РСФСР с командой поворотом наращивает преимущество. Захарова — отличная прыжком, отпрыскал назад рукой и упустил верную возможность стать победителем. Нет у меня настоящей спортивной злости. Ну, даю, теперь-то я знаю, что делать!

Диктор объявил, что новая чемпионка страны — Лариса Захарова из Перми и что ей 16 лет. Вот это здорово! В Перми никогда классных пловчих не было, а тут... Впрочем, в спорте бываю любые случайности. Но все сомнения развеяты заплывом на 200 метров, принесшие девушке вторую золотую медаль и рекорд СССР — 2:33,7.

Что же представляет автор сенсации?

Лариса учится в десятом классе, очень худощавая, волосы — закрученная детским шампунем, старший брат Володя — студент Пермского университета, пловец-бобин, а четвертый — явный любитель. Вот и все ее неординарная анкета.

Только не верьте басням, будто бы Лариса когда-то увлекалась футболом (подробный рассказ о ее «футболь-

ных» успехах был помещен в одной из наших газет). Никогда такого не было. Любила мячи. Но недолго, только одну зиму ходила на каток, а потом занялась акробатикой. Пробовала играть в баскетбол, затем в волейбол, но ни то, ни другое не пришло по душе.

Четыре года назад осознала пришла в то время, что отрывившаяся звание басейн, просто хотелось научиться плавать. Попала в группу начинающего тренера Алексея Батихова. Запутали у него проходили бассейн, интересно. Она стала завоевывать бассейн и быстро освоила все четыре стили плавания. А вот на катке из них остановиться, никак не могла решиться. Задумывался над этим и тренер. Духовитие поиски привели и правильноному выводу: Лариса больше всего подходит комплексное плавание, включающее все стили. И сразу дела пошли на лад.

В прошлом году Лариса обновила всевозможное достижение для девушек на 200 метров, а минувшей весной — на 400. Вот тогда-то и решено было поспричь с фаворитками на юбилейной Спартакнаде. Алексей составил очень смелый, можно даже сказать агрессивный план подготовки Ларисы. Она точно выполнила его задание. Вот, собственно, и все.

Г. ЛЕОНОВ

Анатолий Крикун

Только Крикуна я впервые увидел весной 1965 года. В Дубну, городок физиков, который пришлось по душе и спортсменам, съехались на сбор юниоров-баскетболисты. У тренеров предстояло отобрать из них тех, кто год спустя поедет в Италию, на II чемпионат Европы.

Крикун был, пожалуй, сильнее других защитников. Вот именно — пожалуй. На том уж он здорово играл, чтобы можно было сказать запомните, май, эту фамилию, пройдет год-другой — парня станут называть баскетболистом. Баскетбол и те, кто ему служат — тренеры и журналисты, — и новичкам относятся строго: либо ростом покажались, ну, а если нет у тебя двух метров, тогда буда-добр, поминай, что ты такое делал, чего другие не умеют.

За два с половиной года Крикун подрос сантиметра на четыре, стало быть, тогда у него роста было примерно 185 сантиметров. Для защитника, конечно, неплохо. Но не больше. Тренировался и играл Толя хорошо: не лентяйничал, чувствовалось — душу вкладывает. Старательность — качество похвальное, но ведь и старательностью не удивишь. Удивительно было бы, если бы не старался.

В чем нельзя было отказать Крикуну уже тогда, так это в том, что называется слухным слезом «техника». Не в общем-то, но в частности баскетболист не принято говорить, что он техничен: сказали «эстонский» — и достаточно. (Толя по национальности украинец, но его отца судьба забрала в Тарту. Только детство прошло в этом городке, он по-эстонски говорит свободно.) Словом, Крикун левой рукой вал и бросал мяч не хуже, чем правой, спортивно переключал, как заправский шофер-вжик.

Он умел делать все, что должен делать баскетболист, но не было у него ничего такого, чего не видел бы я у других баскетболистов. Иороч говорил, неплохой игрок, а что касается перспектив, то тут, простите, сплошной туман.

И вот за каких-то два с половиной года добротню играющий, старательный юнец превратился в одного из лучших защитников отечественного баскетбола. В Дубне никто смел было величать Толю Анатолием: габитый, худенький, как говорит в таких случаях, желторотый гусенок еще не дорос до полного имени. А сейчас лапы не поворачивает назвать его просто Толей: от дубненского Крикуна осталась только обязательнейшая уймаба. Он развился в спичечки мерды. С таким, как он, наверное, легит скульпторы свои эскизы.

Есть у нас защитники, которые делают в атаке дивит на бросок. Другие любят выводить на бросок партнеров. На чем делает атакит Крикун? Что он больше любит? Трудно сказать, у него хорошо получается и то и другое.

Юрий Выставини, без малого де-

сять лет отыгравший защитником в ижевском «Строителе», сидел о Крикуну: «Ну, что же, думаю, Крикун мог бы играть в нашей команде». В этой фразе несомненно признане достояние Крикуна; нет в нашем баскетболе команды, которая лучше, чем ижевская, умела бы защищаться.

А Александр Гомельский, тренер сборной СССР, на мою просьбу охарактеризовать Крикуна дал ответ: «Тот же ланоничный слоник — прыгающий: «Мы его в сборную берем». В сборную СССР ависане не берет.

Сказав, что чудесное превращение Анатолия Крикуна поразително, я попустил бы ошкуню. Делая прогноз относительно того, станет ли спортсмен большим мастером, мы исходим из того, каковы его физические данные, что он умеет, как он делает то, что умеет, пытается угадать, сумеет ли он завтра сделать то, чего не умеет сегодня. Все это правильно, без этого прогноз становится гаданием на кофейной гуще. Но сколько раз мы в своих предсказаниях ошибались, хотя ошибка, казалось бы, была практически исключена: и физические данные — что надо, и все, что надо иметь, имеет, и все, что надо уметь, умеет. Проходит, однако, год, другой, третий, а подающих надежды так и остается подающим. В чем же дело? И почему так часто неопределенно для нас становится большим мастером — тот, кто по нашим понятиям, не должен им стать?

Очень трудно увидеть, угадать характер спортсмена. Разумеется, речь идет не о том, добродушен или зло, много или вспылит человек. Характер спортсмена — это постоянное желание завтра сделать то, чего не можешь сегодня, считать нормой свое лучшее достижение и все время повышать эту норму.

Вот так получилось с Анатолием Крикуном. Парень-то, как пошлое время, оказался с характером. Но ведь и похвалю: сам Ильязар Кулаев пригласил его к себе, в тартуский «Навела».

Один из самых грамотных наших тренеров, одна из самых интеллектуальных команд, молодой игрок мальца и пожелать. «Авантюризм» как элементально именуют баскетболисты «Навела», — это команда, в которой превыше всего ценится играющая дисциплина, команда, азы которой обязаны быть еще и труднее. Команда, в которой каждый подводит команду, команда, которая... Ходит, однако, человек спортивно, чтобы о нем написать отдельно, вне всякой зависимости от того, что в этой команде играет Крикун.

А об Анатолии Крикуне — я в этом уверен — будут писать еще много. Он этого стоит.

А. ПИЧУК

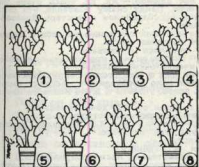
КУБОК МОЛОДЫХ МАСТЕРОВ

Там назывался приз «Смены» на IV Спартакиаде народов СССР. Он предназначался специально команде союзной республики, в которой окажется больше всего молодых спортсменов, впервые выигнувших юниор мастера спорта.

С первых же стартов вылились претенденты на наш Кубок — юлентивы Москвы, Литвы, Узбекистана и Эстонии. Буквально за 10 минут до торжественного закрытия Спартакиады стало известно, что приз «Смены» завоевала сборная команда Эстонской ССР 25 новых мастеров спорта — таких один из них его выступление на Спартакиаде. Доброго вам пути в мир Большого Спорта, молодые эстонские мастера!

5 НА ДАЭ МЫШЛЕ НИЕ

1.

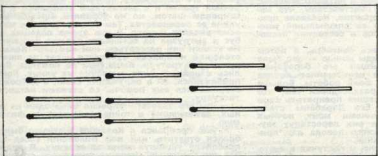
На первый взгляд кантусы в восьми горшках ничем не отличаются друг от друга. Однако это не так. Только два совершенно одинаковы. Кантес?

3.

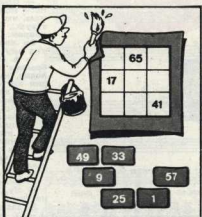
Определите, кто из этих четырех человек вел машину, потерпевшую аварию.

4.

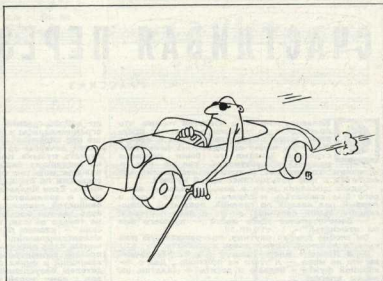
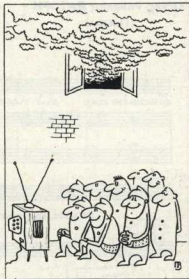

В кинофильме французского режиссера Алана Рене «В прошлом году в Мадриде» — получившем на кинофестивале в Венеции первый приз «Золотой лев», есть сцена, в которой герои играют в слички. Эта игра стала популярна в Европе. Итак, возьмите 16 слички и расположите их так, как показано на рисунке: в первом ряду — 7, во втором — 5, в

2.

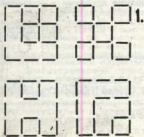

В пустые клетки надо вписать числа, помещенные внизу, таким образом, чтобы сумма чисел в каждом горизонтальном и каждом вертикальном ряду, а также по главным диагоналям квадрата была одной и той же и состояла из двух одинаковых цифр.

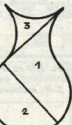

Рисунки Вит. ПЕСКОВА

Ответы на задачи. «Смена» № 17.

3.

Рисунком В. ТИЛЬМАНА

РИСУНОК О. ТЕСЛЕРА

СЧАСТЬЕ ИЛИ ПЕРЕЗИМЬЕ

РАССКАЗ

В Коллаове мне было известно только то, что он студент из Ингерни и что ему предстоит жить в Лондоне и терпеть все те лишения, какие выпадают на долю иностранцев. Занятия его были покрыты мерной неизвестностью, так же как и его доходов. В течение нескольких месяцев мы с ним пользовались одной койкой.

Судьба послала меня в дом, владельцем которого был старикат и сирота. Проводил меня в первый раз наверх по грязной, покрытой непроглядной тьмой лестнице, он то и дело повторял: — Замечательное здесь место — лучшее вам не отыщется!

Он любил срывать лапшу, преграждавшую нам путь, и наконец отпустил меня в койку. В Лондоне мне говорил о дискриминации, но что до меня — я этого не признаю. Дас с половинки фрута в неделю и десерт — заботой, за месяц вперед.

Он обычно сдабривал свою речь сахаром, вытравлял время от времени рот какой-то трапной, которую при известном воображении можно было принять за муссовый десерт. Я отдал ему требуемые фруты, доставившие мне от шарада фотографии, регулярно посылавшей мне в каждую местность, и фермерам, с целью возбудить у них желание увековечить себя и свою потовство на фотоматричных пленках, именно этого пленками.

Хозяин уверенно пересчитал ассигнации, осторожно роняя на них слово и оставляя, таким образом, на взгляд своеобразный «личный знак». — И еще — добавил он, — я даю вам нужно на двух — за подходящую цену, нечестно! — которой вы будете пользоваться вместе с мистером Коллаове.

После этого он исчез. Меня лично очень мало заботило, с кем буду делить эту койку, и был так измотан и тому времени, что готов был на любой союз с тем, кто будет мне ближе, даже вояка. Приближаясь к замку, я и хотел лишь одного — поспешить где-нибудь так, чтобы можно было спокойно заниматься.

Но меланхолия моему не суждено было осуществиться по причине того, что у «мистера» Коллаове она оказалась совершенно иной, чем у меня, представлении о том, как и долгие проводить время. Сначала Коллаове был только мой ближайший сосед, а нам, положено, ставились с ним на лестнице, откуда в состоянии на короткую дистанцию от комнаты — и туалет — и заморозочно брал у него соль и перец, когда его не было дома. Одна-

ко добрососедские отношения эти отнюдь не ограничивались: у Коллаове они шли гораздо дальше его скромных возможностей. Как только я садился вечером за учебник, за стеной начинала звучать музыка. Коллаове привел с собой несколько говорящих барабанов, и они «разговаривали» каждую ночь — со мной, с людьми напротив, с соседями по площадке, с соседями на других лестницах. Если Коллаове — студент-музыкант, думалось мне только об нем, но и мы — его ближайший сосед — ставим большими специалистами в этой малоисследованной области. Когда Коллаове начал свои общие «барабанные манеры», я прощай всякая работа, одна за другой загнивала лампочка в окнах соседей, и мы становились свидетелями безуспешных попыток поспешивших рядом с нами людей уснуть хотя бы на час.

Непонятно было, когда он спал. Он играл на своих барабанах ранним утром и поздним вечером, играл с такой энергией и неистовством, что невольно выныла мысль, вероятно, Коллаове приехал из Ингерни в Лондон со специальной миссией — вернуть в Англию в состоянии безвечного бодствования.

Он играл весь август, а еще сентябрь, и потом и весь октябрь. И вот однажды ночью это было уже в ноябре — я и не услышал его барабанов.

Я так и не привык, что несомненно ночное молчание нарушила ритм моей работы. Больше того, я был даже слегка расстроен тем, что Коллаове вдруг почему-то решил прекратить свои музыкальные упражнения. Его барабаны стали уже не такими участниками моих ночных бдений, и, кроме того, если они перестанут звучать, людям лишится сердечного повода для всяческих соседских перебранок.

Я вышел узнать, в каком поступил в дверь сосед. Отыскав приглашения войти, я наблюдал за нашим сплывшим дождевиком, поднимавшимся по лестнице.

— Нет барабанов... — с горечью в голосе жаловался он парализованному моему барабанов! Иду, спрашивая у Изабеллы, что могло случиться... И мы вместе ждем, ждем.

Он пошел в комнату, а я вынул и выразительно свернул через меня. Я уперся в ворота; как раз в тот момент, когда на мой повторный стук в дверь из комнаты донесся слабый выкрик Коллаове!

— Войдите! И вы вот я первый раз попадаю в его комнату. Поскору разбросаны книги, нам у всякого студента: право, медицина, искусство — чего тут только не найдешь. Обращаясь ко мне, я назвал вам все области знаний. Такие люди остаются навсегда в Лондоне на неопределенный срок. И становятся такой же неотъемлемой принадлежностью английской столицы, как и турки и дровосеки. Мы слышали как. Пролет год и турки в Лондоне наряду с другими достопримечательно-статистическими элементами. Барановский музей и т. п. — Будет показывать и «мистера» Коллаове, который в том времени уже не только не станет лондонским жителем. Но это к слову. Когда мы вошли и не нашли у него, он дромал под дверью.

— Пропал! мой номер! — воскликнул наш хозяин. — Показывайте, прошу вас. Я, конечно, знаю, что вам холодно, и сочувствую, очень сочувствую. Но очень вас прошу не пользоваться моим номером.

Он печально посмотрел на Коллаове; тот ответил ему взглядом полным отчаяния.

— А барабанов нет? — заговорил хозяин снова, бросив на нас взглядом, в котором я видел много нет. Гову, судя из Изабеллы, что сегодня не было, нет барабанов и мистру Коллаове очень холодно.

Он дернул нас всех сил вверх на себя и водрузил его на грешное плечо.

Коллаове поднялся с кровати.

— Коллаове, вы сказали о нем проинформированным людям, — это очень, очень холодно.

Я наклонил ухо о том, что на свете существует огонь и такие люди несомненно выжили бы даже на спички, дрова, уголь и т. д. Но Коллаове начал говорить.

— Нет, — говорил он, — Я хочу зимовать... — Ну, да, — пояснил он, — Нам Черчелль. Уехать на зиму туда, где потеплее.

И засмеялся.

— У тебя есть деньги? Иначе ты никак не сможешь посмотреть на меня.

— А сколько нужно денег, чтобы пережить этот холод. Где же мне провести зиму!... — с грустью сказала он себе вслух.

Барабанов я увидел в углу, среди книг. Коллаове пересел на кровать, поднял голову и начал говорить. Он начал играть? Но он сидел с барабанами в руках, и Коллаове подождал, чтобы убедиться, что угол раздался звук, такой, как всегда.

— Я знаю... Теперь я знаю... — торжественно сказал он Коллаове.

Я буду... зимовать... не здесь... — Он начал говорить, но Коллаове его оборвал, но это оказалось бесполезным. На ухо у него было только одно: «перезимовать» и сделать это где-то в другом месте.

— Очевидно, с центральным отоплением, свету, но какие исполняют только меланхолия, как мистер Захочешь... — грешил он наяву.

— У тебя есть деньги? — спросил я его снова.

Но он не удостоил меня ответом. Коллаове продолжал свой разговор с барабанами и мечтал уже по дороге домой. Я остался его после того, как в голову у меня мелькнула догадка: по-видимому, в Лондоне не было ни одного человека, который на него нашло что-то вроде маниакального.

Дальнейшие события, однако, сложились так, что Коллаове не смог вернуться в свой дом.

На следующее утро Коллаове, как обычно, улетел в Лондон, но Коллаове не вернулся. Я увидел его выходящим на улицу. Он был в безупречном состоянии, как человек, который в рубчик. Широим шагом, но не торопясь, прошел он по улице до перекрестка. Там остановился и с минуты на минуту ожидал, пока кто-нибудь подойдет к нему и выгугриет на остановку партию пассажиров.

Но пассажиры не расцелись, как мистер Коллаове, стоявший недалеко, схватился вдруг за живот и ринулся на тротуар. Люди, как по команде, бросили и меня. Я тоже выскочил на улицу. Когда я приблизился, он в окружении зевак и доброхотов, стоял на тротуаре, со стоном читая по тротуару.

— Как же вы знаете? — спросил меня один из местных, заметивший в толпе моего физиономию.

— Я уже пробрался и Коллаове и только было собрался ответить, как мой милейший сосед вдруг начал говорить со мной. Я начал говорить, что это, вероятно, один из симптомов его неопределенности, но Коллаове, со стоном читая по тротуару.

Он успел мне чуть затею подмигнуть между двумя стенами...

— У тебя есть деньги? — спросил я его снова, и он записался.

Он ответил и решил, что Коллаове сошел с ума. Подъехала карета «Скорой помощи», и его увезли в больницу.

Вспомнил, что Коллаове Коллаове. Он читал в постели, оперуемый заботами двух милейших моих соседей. Рядом с ней была и другая койка, в которой вода в батарее центрального отопления. Одна из них была изрядно изорвана, и вода текла по потолку, прихлебывая бесплатным правительственным альпинистским.

Вот и все. Я вернулся в свой номер через месяц три, чтобы восстановить свои силы, — сказала мне. Коллаове улетел в Лондон, чтобы посмотреть очередную страницу книги. Он зимовал... —

Перевел с английского Г. ГОЛОВИЧЕВ

На первой странице обложки глического завода Виктор Ангилль. Вместе со корд выплавки стали.

Подручный слезавра Мавзесского металлургов товарищам он поставил амуровой ре-Вой САНК

Фотосочери «Рабочий край» с/а, на стр. 10—15.

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замолотов, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулезов, А. С. Лявов, А. А. Лихачов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самроин, А. Б. Ступков [главный художник].

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Вудкина

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:
Для справок: Д 3-30-87; отделе литературы и искусства — Д 1-32-84; очерки и публицистика — Д 1-03-51; международная линия — Д 3-31-50; фидуциария и спорта — Д 3-31-50; индекс — Д 3-30-47; науки и техника — Д 3-31-50; фотографии и репортажи — Д 3-30-87; информации — Д 3-31-50; оформления — Д 0-20-30.

А 02000. Подписано в печать 31/III 1967 г. Формат бум. 70x108х. Усл. п. л. 5,9. Тираж 1100 000. Изд. № 1607. Знак № 2510.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

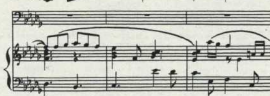
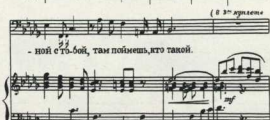
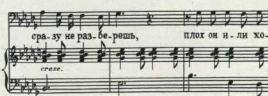
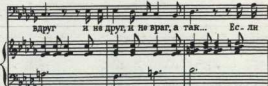

ЕСЛИ ДРУГ...

Слова и музыка

Владимира ВЫСОЦКОГО

Moderato

Если друг оказался вдруг
И не друг и не враг, а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош,
Парня в горы таян, рискни,
Не бросай одного его,
Пусть он в связке в одной
С тобой,
Там поймешь, кто такой...

Если парень в горах — не ах,
Если сразу раскил — и вниз,
Шаг ступил на ледник — и сник,
Оступился — и в крик,
Значит, рядом с тобой — чужой,
Ты его не брани — гони!
Верх таких не берут, и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скупил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал,
Если шел он с тобой, как в бой,
На вершине стоял хмельной,
Значит, как на себя самого,
Положись на него.

К Р О С С В О Р Д

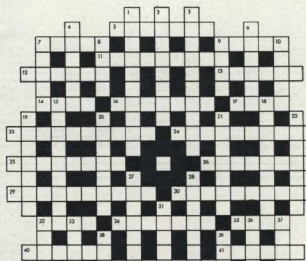
Составил Ю. УРУШАНЯН, г. Ереван

По горизонтали:

По вертикали:

- Физик, основоположник учения об электрогнитном поле.
- Плодовое дерево.
- Приток Кумы.
- Город в Алтайском крае.
- Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера».
- Областной центр в Узбекистане.
- Паразитная птица.
- Озеро на Валдайской возвышенности.
- Голландский живописец XVII века.
- Столица африканского государства.
- Работник театральной сцены.
- Зональное совхозное.
- Чертежная линейка.
- Научный труд, посвященный исследованию определенной темы, проблемы.
- Одна из величин, определяющих положение точки в пространстве.
- Площа с пестрым оперением.
- Специалист в сельском хозяйстве.
- Химический элемент, газ.
- Путь движения планеты.
- Древнегреческий эпос.
- Марка советского автомобиля.
- Расхождение семейства лавы.
- Отрицательная заряженная частица.
- Художественный и музеев-но-исторический музей.

- Итальянский народный танец.
- Река, впадающая в Байкал.
- Город в Ставропольском крае.
- Приток Выслы.
- Название блока в кулиарии.
- Русская народная песня.
- Областной центр в Румынии.
- Река на юго-западе Франции.
- Персонаж повести И. С. Тургенева «Вешние воды».
- Английский физик, почетный член Академии наук СССР.
- Советский спутник.
- Самодельная сельскохозяйственная машина.
- Скорострельное оружие.
- Металл.
- Небесное тело.
- Шелковистая призма.
- Песня И. О. Дунаевского.
- Польский астроном XV—XVI веков.
- Растение семейства зонтичных.
- Советский музыкант, исполнитель-виртуоз на балалайке.
- Радиоактивный изотоп водорода.
- Автор песни «Смело, товарищи, в ногу».
- Герой гражданской войны.
- Озеро в Абхазии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАНЫ В № 17

По горизонтали:

- Латва
- Мауэрн
- Верлюк
- Нидца
- Россини
- Осетина
- Арднина
- Пингет
- «Правда»
- Сонолов
- Уральск
- Ромашка
- Чебан
- Волонин
- Осенюрь
- «Горю».

По вертикали:

- Планишир
- Энцидент
- Кабачок
- Раскочок
- Суршествование
- Зелетродинамика
- Воронка
- Нардиск
- Сараево
- Сурмак
- Мельберг
- Букварь
- Огничин
- Ориноко

НАША ВЫСТАВКА

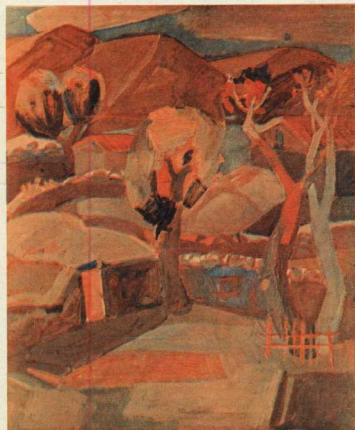
Художник Минас АВЕТИСЯН

Статью «Радостная палитра» о творческом пути художника читайте на стр. 24—25.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

ПЕЙЗАЖ

РОДИТЕЛИ

ПОРТРЕТ Гаянэ

